

народный волонтерский проект

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА – ЮЖНЫЙ УРАЛ

Фронтные письма
О любви
Часть 3

Почтовая марка
2. Златоуст
Челяб.-Обл.
Шаганайская
Мамайская
Оршанская

Handwritten text from a letter, including the date "14.05.45" and the address "2. Златоуст Челябинской области Мамайская Оршанская".

Организатор:
Челябинская областная
универсальная научная
библиотека

**Анна Николаевна Симонова
Вера Николаевна Штыхван
Наталья Рудольфовна Соловьева
Полевая почта – Южный
Урал. Фронтовые
письма о любви. Часть 3
Серия «Полевая почта –
Южный Урал», книга 12**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54143830
SelfPub; 2020*

Аннотация

Серия электронных книг подготовлена Челябинской областной универсальной научной библиотекой и стала результатом реализации проекта по оцифровке коллекции из более чем 500 писем, почтовых карточек и фрагментов дневников южноуральцев – участников Великой Отечественной войны. Двенадцатая книга серии содержит документы, переданные О. Ю. Кушниренко. Перед нами третья (заключительная) часть истории настоящей любви и искренних чувств. Через судьбы отдельных людей публикация писем с фронта становится документальным

свидетельством эпохи, своеобразным эпистолярным наследием.
Книга адресована широкому кругу читателей.

От составителей

Издание представляет собой серию книг, подготовленных Челябинской областной универсальной научной библиотекой по материалам народного волонтерского проекта «Полевая почта – Южный Урал» (письма с фронта 1941–1945 гг.), посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В целом книги содержат более 500 писем, открыток с фронта (в том числе письма на старотатарском, чувашском, латинском языках, письма, написанные арабской вязью), переданных жителями г. Челябинска и Челябинской области организаторам проекта. Каждое письмо представлено в виде отсканированного оригинала документа и перепечатанной версии письма в текстовом редакторе. Организаторами проекта принято решение сохранить стилистику и орфографию авторов, подчеркнув тем самым историческую значимость данных артефактов более чем 70-летней давности.

Первые книги серии содержат письма, систематизированные в хронологическом порядке по дате отправления письма адресату: 1941, 1942, 1943, 1944, 1945 гг. Внутри каждого периода письма также сгруппированы хронологически (январь–декабрь).

Книга «Документы военной эпохи» знакомит с письмами, дату написания которых установить не удалось, материалами невоенных лет, открытыми письмами из газет и дневниками

участников войны.

Последние книги серии – «Фронтовые письма о любви». Это история настоящей любви и искренних чувств. Документы – более 50 писем, в т. ч. несколько открыток, – переданы О. Ю. Кушниренко для публикации в серии.

Электронные издания не претендуют на исчерпывающую полноту охвата исторического материала: они включают все, что удалось собрать организаторам проекта.

Составители выражают признательность за оказанную поддержку и помощь партнерам проекта – Министерству культуры Челябинской области, Общественной палате Челябинской области, Региональному отделению ООД «Бессмертный полк России» в Челябинской области, Компании ЛитРес и издательской платформе ЛитРес:Самиздат, Центральным городским и районным библиотекам Челябинской области, Челябинскому областному Совету ветеранов, Конгрессу татар Челябинской области, Общественному движению «Наш Челябинск», вузам и образовательным учреждениям г. Челябинска и Челябинской области, Ассоциации волонтеров Южного Урала.

Благодарим челябинцев и жителей области за неравнодушные и отклик, за каждый сохраненный фронтовой треугольник. Письма написаны в окопе между боями, по пути на фронт, в воронке от бомбы, в госпитале. Они адресованы родным и близким не только из городов области – Челябинска, Магнитогорска, Миасса, Карабаша, Троицка, Коркино,

Копейска, Верхнего Уфалея, Озерска, – но и из южноуральской глубинки.

О чем эти письма? В них – дыхание войны и тревога о близких и детях, уважительное и доброе отношение к матери, женщине, подруге; солдатские будни и бесконечная вера в Победу. Письма с фронта помогают понять, как выстояли и победили наши деды и прадеды, как жили их матери, жены и дети. Написанные простым бесхитростным языком они по сути – о большой любви к самому дорогому для сердца солдата: семье и Родине.

У каждого солдатского треугольника своя судьба. Для многих обладателей писем – это последняя весточка с фронта от близкого человека. Письма с фронта сегодня – не просто переписка, не только уникальный исторический документ и живая история фронтовой повседневности, но и важное свидетельство огромной нравственной силы народа и нашей памяти о великом подвиге и Великой Победе.

Фронтовые письма о любви

Предисловие

В этом сборнике собраны письма, написанные во время самой бесчеловечной Второй мировой войны. В книге письма о любви, самом прекрасном человеческом чувстве. Прочитав эти письма, вспоминаются слова Ромена Роллана: «Любовь стоит ровно столько же, сколько человек, её испы-

тывающий». Фронтовые письма о любви моей маме Мясниковой Л. Ф. (Кушниренко Л. Ф.) писал старший лейтенант Лесюков С. Д.

Первое письмо было датировано 20 ноября 1943 года. Всего писем было 56. Последнее письмо с фронта послано 18 ноября 1944 года старшиной взвода В. Ярчуком (он был единственный, кто выжил в бою), где был командиром старший лейтенант Лесюков С. Д. В письме сообщалось, что он погиб вместе с 22 его сослуживцами 31 октября 1944 года в Западной Польше на Висле.

Мама хранила всю жизнь эти письма и просила их опубликовать только после своей смерти. Мамуля умерла 6 июня 2017 года в возрасте 92 года. Выполняя её волю, я решил опубликовать эти письма отдельной книгой. Вечная память моей маме и её друга ст. лейтенанта Лесюкова С.Ф. Мой отец Кушниренко Ю.Д. канд. сх/наук. Был 18 лет директором южно-уральского научного института земледения в поселке Тимирязевский Чебаркульского района Челябинской области). Он знал и читал письма. Хранил их в специальной папке с пометкой «Хранить вечно».

Опубликовать письма решил её сын Кушниренко Олег Юрьевич (доктор медицинских наук.). Оригиналы писем находятся в «Государственном историческом музее Южного Урала» г. Челябинска.

Единственная фотография ст. лейтенанта С. Д. Лесюкова

Фото Кушниренко Л. Ф. (Мясниковой Л. Ф.)

Письмо от 1 октября 1944 года

1 октября 1944 г.

45

Моя дорогая девочка - Звонкая
Люся!

Анна написала тебе, а вечером приехали
еще ребята Маврико и поэтому свободная комната
сразу в мезбине. Мы говорим, что в пред-
дверии мезбине описана твои орудия. Но
такого мезбина я еще не нашла. А ты еще
ублаживаем, Гемма, легки рукав парни! А
еще дожда 1/3 мезбине пропадаем в пути
по мезбине Курнохх баромант из парниково
ведомства. Их мажуров. Как надо так
накаиваем, чтобы мы одна из них 10 лет
то всяма замуж за такое заведение
и мамашу Звонкую.

Молодчала Анна, что она заставляла
тебя писать письмо, если вручили свое мез-
бо. Так и надо! Я все же стараюсь на-
ше довериться на Звонку, как действительно
вот в мезбине Звонкая. Вдохом в ней мой
тебя в такую близкую поставили, что не будет
знать, что такое это с Анной! Вот тогда
покажи вспомнишь:

"... Их посылка меня,
А так и будет тебе!"
Интересно, моя дорогая, как ты думаешь, что
Звонку можно отправить перед Анной за
мое мезбо! Правда правду говорю, так как
я Звонкую у Анны.

Она мезбине от Анны правды и на ней
я столько три или четыре Звонкую, но Звон-
ку ли она? Опытный вай дело упрямства в
различных Курнохх парниково мезбине.
Вместе с Звонкою я отослал Анна разные
материалистические материалы: книгу, сапог,

Порывавшая, а по повелению и всеми агентами, и притом
ке многим сраженным. Но так случилось, что отныне
Кавказ, так рванувшись из долины, не мог вернуться
Смогула на упрямые ступени паводка, что было ка-
залось в не немногие дорожные выверены. под
сильный паводок взгляда смутенки паводок рвануло и
покачнуло упрямлялись вперед, время точностью
и создавая похоть, покачнутому паводку грабу, со-
ставляли "хоть провадимся сквозь землю". Выходили,
Что я упрямлю паводок, высад, что когда-нибудь? Но за
Того, но свине! Вот покотились в высадке и из предель-
но паводок Курноской мой акиа, докатились в высадке-
мисту!

Да, что будет дальше, что паводок высадке?
Подождем, какое комедного паводка паводок грабу да-
вать еще будут год. Закончится война. Я, если
меня не дождет главной акиа, вернусь. Это
всегдашняя моя расчитываемого да-
ри и вдова в своем паводке. Но, конечно, будет
оставаться в "своей программе" недоуменкой высадке
улицы Шолоховской. А я, твой бедный Дод-Кавказ
Александровский, но обязательно буду Александровский,
каждый? Но комедного еще захочешь "наши драмы"
и будет держаться в этой роли до крайнего
предель, благодать моему маленькому молодому
и подавляю оруженосцев. И многолет будет высадке
дальше свое паводке, где ты нежрано акиа акиа
свое дамоуедаемое для меня. Да? "Будет буря,
это попорили и поборились мы с кем!" Это
милна, кто кажется, вот эти маленького - это
милна Катильного цветения дерева нашей дружки.
Но комедного война паводке. Обидный цветение
кариширует обильной угрожай. Заманой Звукон-
милод дамоуедаемое угрожай акиа к нашему покою к
милному паводке. В этом паводке паводке да-
и и "будем акиа акиа готово в дальний путь
оставляю акиа акиа в одной кавказе, акиа к
устану, акиа об руку, акиа для акиа акиа
акиа акиа разрешили угрожай. Это акиа акиа

как затруднительно возможно еще тебе, мой друг,
давай откроем и обаудим и взвесим, договоришь
и разрешишь восторженно. Когда ты это пишешь.

"А что будет впереди, что ждет Давид? Как
знает Давиднейшую судьбу, предопределяющую
тебе жизнь земной жизни?", Я думаю с вол-
нением, но уверенно вглядываюсь в даль твоего
замысленного будущего. Ничего, что ты разуме-
ешь, как спрашивает. Это признак здорового
спустившегося умрашишь жизни безвредно и кратко.

Как и надо. Все раз отмерь, один раз спурь.
Востановил полюбил и муно. Общотъ тебе
медовые парактивы, как оживаешь. Но, тужи-
мошь обломательство и стужо, мне кажется,
стыло нам давайнейшим путь деловых делъ
тыльдом вилеру и ты не будешь иметь поводъ
к тужиам, что я спаваше не тем, за что вст-
давай себя. На окраинке я поминато в шибля, то
более проаного человека, чем я, тужи редко
найми. И тужи я довалю, кто не кахоче сие
на кеуишатель сам востваляеши. Какое, и в
и ты — то звезда 1^й великитъ. Все же будешь
надрогни и не поганиши за кахотничий мотуфъ.

Вилу мы повалиши с тобой, друг мой, килу
авишайнуго мизы и алам алам, об этом мы, да
говориши три втужи. А если убо так тебе
востуриши и аламшиш канаръ каиси будогласть,
то я востачиши и менеръ обаудити шиблю вост-
ра, какои ты предлачашь. "Мабови и Вер-
ностъ" — только так должно гореть огань
нашеи марусе жизни, а востачиши. А ты востачиши
улавилъ. Никто меня не спаваше востачиши.

А если я востачиши аламшиши, тогда ты
востачиши будешь с мибешайнуго аламшиши
наш востачиши с кахача. На востачиши аламшиши
ривилити кримиши мибешайнуго аламшиши
лачача не спаваше востачиши востачиши
и аламшиши аламшиши мибешайнуго жизни.

Судебный приговор радичи и востачиши
Твой кримиши с мибешайнуго аламшиши и аламшиши
на аламшиши востачиши. Востачиши кримиши-кратко. Спаваше

11/10081/41
11/10081/41

1 октября 1944 года

Моя дорогая девочка – здравствуй Люся!

Днём написал тебе, а вечером принесли от тебя письмо и потому сегодня пишу сразу 2 письма. Ты говоришь, что в предыдущем письме описывала свой огород. Но такого письма я еще не получил. А ты ещё увещаешь, чтобы легче ругать почту! Видимо, добрая треть писем пропадает в пути по милости курносых барышень из почтового ведомства. Их мало ругать. Их надо так наколдовать, чтобы ни одна из них 10 лет не вышла замуж за такое содействие и помощь фронту.

Молодчага Аля, что она заставляет тебя плясать прежде, чем вручить моё письмо. Так и надо! Я вот ей специально pošлю директивы на этот счет, как действовать в таких случаях. Вдвоем с ней мы тебя в такую блокаду поставим, что ты будешь знать, что такое мы с Алей! Вот тогда поневоле взмолишься: «... Ах, пожалей меня, Я так люблю тебя!».

Интересно, моя барышня ненаглядная, что вы изволили отплясать перед Алей за моё письмо! Только правду говори, так как я сверюсь у Али.

Два письма от Али прибыли и на них я отослал три или четыре ответа, но дошли ли они? Опять всё дело упирается в разлюбезных курносых почтовых мамзелей. Вместе с ответами я отослал Але разные материалистические изображе-

ния: кошку, собаку, [...], с соской во рту, обмозговывающего будущие границы своей страны. Это поскольку Але не нравятся, Лидочка, идеалистические на тему, что связано с [...] и неземными его дарами грешных людей.

Аля правильно чувствует, что не может того быть никогда, чтобы ее письма меня не интересовали и ты её, пожалуйста, не дразни на эту тему, иначе сама окажешься без писем, вот тогда попляшешь.

Но все это, Люся милая, немножко в порядке исключения на юмор. А теперь о серьезном. С Ярчуком дело тревожное. Я дважды ему писал, узнав адрес от тебя, но ответа ещё нет. А вот твои чувства тебя обманывают явно, если ты думаешь, что я переписываюсь с его родными. Хотя его родные и заслуживают того, чтобы их не забыть, но с ними я не переписываюсь. Может быть это и не хорошо. Так Ярчуку я как-то еще в мае или апреле написал однажды, но ответ не последовал и больше я туда не писал. А вот теперь ещё раз как-либо доберусь и напишу: быть может родные что-нибудь знают о Володе. Наоборот, как-то однажды ты упоминала в письме, что Таня вам писала мою жалобу о том, что Люся меня забыла. Из этого я заключил, что вы с Лидой связаны с родными Ярчука и в курсе его судьбы. А потому я к тебе и обращался за его адресом и так надоел, что ты потом по инерции месяца 3 писала в каждом письме его адрес. Но не обижайся, Люся, если тон этих слов немножко холодноват. Это в ответ на твои слова: «Быть может, ты объяснишь «что имеешь его

переписку с его родными». Не бей, да не будешь битым.

Люся, сегодня 1 октября – ты приступила к занятиям. Я помню твои занятия, они мне влезли в печенку. Наверное у тебя была успеваемость в прошлом году сверх похвальная, а по поведению и сами ангелы с тобою не могли сравняться. Ты так спешила на эти занятия, так рвалась из дому, так нетерпеливо смотрела на упрямые стрелки часов, что мне казалось в те немногие дорогие встречи: под силой твоего взгляда стрелки часов робели и покорно устремлялись вперед, греша точностью и создавая гостю, покорному твоему рабу, состояние «хоть провались сквозь землю». Думаешь, что я прошу тебе, Милая, это когда-нибудь? Не за что на свете! Вот покончим с войной и я предъявлю тебе курносый мой ангел, достойный ультиматум!...

Да что будет дальше, что ждёт впереди? Людмила, после последнего года твоей учебы дальше еще будут годы. Закончится война. Я, если меня не долбанет шальной снаряд, вернусь. Мы встретимся «для решительного боя», как говорит Лида в своём письме. Ты, конечно, будешь оставаться в «своей форме», недоступной Дульсинеей Тобольской. А я, твой бедный Дон-Кихот Ламаческий, не мельницы буду атаковать, нет! Ты немного еще захочешь «помудрить» и будешь держаться в этой роли до крайнего предела, блистая могучим арсеналом [...] и подобных аргументов. И может быть забудешь своё письмо, где ты искренно сказала мне своё долгожданное для меня «Да». «Будет буря, мы поспорим и побо-

ремся мы с ней! Людмила, мне кажется, вот эти месяцы – это пора длительного цветения дерева нашей дружбы. До конца войны недалеко. Оттягивающая цветов гарантирует обильный урожай. Золотой здоровый плод должен упасть сам к нашим ногам к моему приезду. В этот незабываемый день и ты и я будем вполне готовы в дальний путь оставшейся жизни в одной каюте, уста к устам, рука об руку, сердце для сердца. Все вопросы разрешили уже. Что смущает или затрудняет возможно ещё тебя, мой друг, давай откровенно обсудим и взвесим, договоримся и разрешим чистосердечно. Когда ты мне пишешь: «А что будет впереди, что ждёт дальше? Как знать дальнейшую судьбу, предопределяющую течение человеческой жизни?», я тоже с волнением, но уверенно вглядываюсь вдаль нашего совместного будущего. Ничего, что ты рассуждаешь, как фаталист. Это признак здорового стремления устроить жизнь серьёзно и прочно. Так и надо: семь раз отмерь, один раз отрежь. Хвастаться постыдно и глупо. Обещать тебе медовые перспективы нет оснований. Но, поразмыслив основательно и строго, мне кажется, что наш дальнейший путь должен быть счастливым в меру, а ты не будешь иметь повода к упрекам, что я оказался не тем, за что выдавал себя. Несколько я понимаю в людях, то более простого человека, чем я, теперь редко найти. И этим я доволен, хотя и похоже сие на неуместное самовосхваление. Конечно, и ты не звезда первой величины. Мы не будем жадными и не погонимся за несбыточной мечтой. Чему мы посвятим с

тобой, друг мой, нашу совместную жизнь и свои силы, об этом мы договоримся при встрече. А если так тебя волну-ет и страшит тебя наша будущность, то я согласен и теперь обсудить любой вопрос, какой ты предложишь. «Любовь и верность» – только так должно гореть огнем на нашем пару-се жизни, Людмила. А при одном условии: Никто меня не страшит впереди.

А если я здесь отдам жизнь, тогда ты вольна будешь с известным опытом уже начинать всё с начала. На всякий слу-чай предварительно прими мои глубочайшие пожелания не ошибиться в этом великом и святом акте личной жизни.

Сердечный привет родным и Лиде с мамой. Твой привет я написал маме и адрес Ане – одной из моих добрых сестер. Целую крепко-крепко. Стив

Письмо от 2 октября 1944 года

Книжки и надеюсь на то, что ты все-таки
Ты неслыханного будешь гоним писат. Много
еще, что у тебя между началом Восточного и
Восточного и западного Восточного! Это какое дело
до этого, это — несли кого и как-то из Восточного.
А то, что ты тебе еще доведется мару писать
в Москву, это не дело. Восточный! Восточный! И вы-
копывать Приказ без разговоров! Попробуй, напи-
ши, а что?!

Все равно, к этому сейчас под козой у друзей
и актуально от безделья. Поэтому попробуй пообщаться
своем воображении на тему II Вопросы, ответы
но конечно ты себе. Конечно напиши и проши
Мои ответы.

В это время, если пишешь одинаково все время в Москву
в Москву порой и друг твой писал, что пишу тебе?

Моя, конечно с тобой анимации прилики к тебе
и конечно с разницей по тебе в этот вечер. Мне
бы только еще ханство знать, а ты то как разрабатывал
Москву? Да, конечно, ну — но график. Шока и убого
могут иметь место и в Славянском в Славянском
Славянском. Но там у тебя есть Москва, с которой
нет всегда подделываешь, если знаешь ты только ты Друзья.
Есть подружки и еще кто-нибудь. А что это значит,
куда просят тебя голову? В Москве. Всего на. Все —
Конечно. Если да и похороше. Это значит, так как
неблизко от тебя. Модей абачини Жалобы. Да.
В конце концов могут подумать, что ты подо-
нашишь голову, конечно и знаешь, что актуально.
А вы отвечаете кратко на этот вопрос. И так;
увеличив своей работой и тобою как рукой
с Москвы. В работе основное лечение. Дружить

В то время от тогда, когда бездельничать или «рабство»
взявшись из рук».

2. Как бороться с бессонницей? А вот как: ложитесь
только в пошатнувшееся время сна и не о чем тогда
думать сильно не думайте. И пошатнулось бессонница уба-
дет, снать можно привлекнуть и отвлечься. И
никакие медрабатники тут не помогут во всем
их отработавшим.

3. Что делать, если имеется девушка очень редко и мало
имеет? Надо ругать и пощипать - слов нет - за недостатком
миски. Ну а если все - таки эти миски девушки, ска-
жем для прилежания - хотя бы вы, шипя и шипя, на-
самом деле мало имеют, то что делать? На-
всегда вы так и не ответили, а миски оставили
на бедную пощипать. Но бедного шипя все миски шипя
Хотя в другом миски вы, вставившая уже в руке
защитника пощипать. Держать так: миски девушки,
еще миски, дашама рано или поздно неженство
быть миски за такую халатность. Наверное раскисает -
вот и оставившая дело адвокатом миски. Это
в порядке логики вещей.

4. Что такое шипя и условия ее выживания и условия
выживания шипя? Шипя есть видная группа
человеческих существ в состоянии продолжительного
себя. Вид шипя в земле имеет в явном первоначальном
устройстве шипя самое себя в виде пощипывания.
Во миски этой первоначальности, сознательности и безсознательности
шипя доминирует и созданы то, что доминирует и созданы
человеческие во всех отношениях и адекватности. Утвер-
дить себя шипя, как можно шипя доминирует себя и
потому шипя шипя себя в виде своих вещей - на

Однажды при этом так ошмыривали шивера, что
и у швадей и оставивших шивера при взаимном пово-
тении неволь воработались экстремно дебативуристы
Закон воевора. Ротничивая только здуровое, а болыное
и пахное глбней. А потому какадой из нас — здуровый
и болыной, глбнейшой и спурвайной, безотрадной в стра-
вого — все атремаибав имеет поможавно нестател-
ко от здуровый и поможавной оводи; только при этом
гарантина наверняка, что поможавно вентивав, так
как от болыной оводи будет и пахное кедамисе, все
поможавно. Здуровое всегда имеет семимецирковне
в поможаве прорыви и окрочку. Отсюда атремаибавне
Салтаибавне в краемовор (= здуровек), т. е. цвепурицих
и потому прилививав и от нас имеет детей. Но
мало ханств здуровое, кучино шибой и око вакочено
небд. Отсюда у швадей бешенное цетрепелание по-
казав себя, обратив на себя внимание, частно
Силь и обратную оведь отдаивав, цешковом в шиво
оветь и рванозащедено. Вот поможавно где и шивер
в овалови (зубо вворав) стараточная из всех авл
показав себя авверисемкиши, здуровыми, цвепу-
рицими, прерасквешив, поможавношави друх друху.
Для того все предства хорони: и тактиче узоды
кравок нарядов, и цмопоирачитивное шива оведь,
и все атремаибав напортомшере, и цмокашине
мешере в обращении, и авинное возмешемне шорни
взика (шивер), и все безкакетно разномобразное
прасиво цмокашине шорни. Все работавно по то, шивер
обратив на себя внимание в шив, все атремаибав
шивав: на зренине, овалови, алух, вкус и овалови.
И обратив на себя внимание как шиверно
бешенное шива оведь, так как, шиве издрови
шиве того, кто правивав, из шивер, шиве на
шиверне. Отсюда шиверно кравок и шивер
(у какадой поможавно) шорни, и шиверно
все атремаибав биологическакой шиверно, отсюда
шиверно кравок шива у шивер, шива у шивер,
шива у шива, декайвше у шивер, шиверно
и шиверно, шиверно, шиверно, шиверно,
шиверно, шиверно и т. д. и т. п. Шиве шиве
ше шиверно и на шиверно шиве!

Но, Мария, это все — обильнейшее первой (поддержку —
той) формулы любви, которую я написал сразу после
вопроса. Все, чем светелителю и Деталью, не оти —
и в целом таме. Я и говорю — любви это красиво,
правильно! Вторая половина вопроса: условия даются, ты
любви и выходящих. Твоя самая правильная: отсу-
тствие нужды и твое и потемневшие друг друга. Стану-
тские нужды освещаются материальное условия не
определенная от блаженства, чтобы и быть и такими,
не отурованы время и время, но добавляя хлеба козы-
коз. А потемневшие друг друга и любивших любивших
корму. Это идеалов, но выходящих и козыря первой
нужды симпатии, чтобысь познать друг друга
до дня и не всегда находим друг в друге то, чего
хотим. Но чтобы "идеишь" и перенять
друг друга до конца. Надо заставить себя сим-
патии. **Вопрос** Взаимно и не переставать
на друга объекти. Компромисс выходящих в виде
в самотеми дружная симпатии при взаимных уступках
т. — е. при взаимном потемнении. В этом, **ответ**
самый лучший.

5. Что является важнейшим условием в нашей
и любви жизни? Абсолютно правильно.
Любовь и ее дающиеся. Теперь первая половина
у нас есть. Все действительное. В наших руках.
Любовь и взаимное потемнение мн. дающиеся
поставить на прочность основу материальное
благополучия, чтобы, нужды не было хлеба
в нашей жизни. Это решить будет не легко,
но думать, это при том же мн. вдвоем сест-
рине трудом и выходящих корнями. Нужно
обеспечить самому себе "средний" прожиточный
минимум. Будет нужды, выходящих, а не
нужды. **Вопрос** Будет в нужды. Не так ли,
Мадрида, мн. и Мадрида!

6. 7. Вопросы разрешены удовлетворительно.

8. Что такое красота и кого из людей
и женщин можно назвать красивыми?
Об этом я сказал в беседе с тобой к понятию
любви. Красиво: красивей это прежде всего здоро-
вие; красота добавляя призрачна. А здоровый мн.
симметричные черты, гармонично мн. и цвета.
Нужды много красиво. Внутренне красота все
тогда выделяется лицом, характером, поступками.

голосом, способностями и т.д. Это все - существует
написанной судьбы, т.е. судьбой.

На 9 и 10 вопросов я ответил в прошлом (вернее - в преды-
дущих письмах).

11. Как определить искренность друга и степень его
интереса? По его делам! Не по словам, а по делам
ведать, что за человек. В нашем случае о тебе
- хотя бы по количеству и содержанию писем.

Но об этом довольно я тебе. Ужасно ты стараешься
мне даже писать, но возможно, что покажется
мне как выходящая реакция на мои пере-
живания. Порой я даже задумываюсь: а не высту-
дил я у тебя, мой друг, волосы на затылке,
так как слишком много и часто пишу я
написанной и прочей у тебя, а ведь ты
не подумай, тебе давно издала свой ответ,
но как-то стесняясь, не высказалась духом и
не позволила так по драгоценные, что
я всецело тебе.

Вот она, Люся! Не сердись, если что не так
кажись. Непоча дураго вывешивать все
и почому возмозжна где переборщить,
переволни, переударившая. Это так
все больше и больше узнаешь жизнь, хочи
мешает время такан не возмозжна
экономии законничности и редкости привычки

... Но! Огляднн про татне! Прости,
милая! Это у кого болит, тот о том
и говорит

Дружеский приван радостан и свид
я м. Б.

Обнимаю тебя, мой друган,
и целую — Люся

Р. В. Шонер буду тебе и радого писать, пока
ты не кончишь всего и много любу
ей болит!

2 октября 1944 года

«Смерть не страшна: с ней не раз мы встречались в бою.

Вот и теперь надо мною она кружится.

Ты меня ждешь и в тревожном томленье не спишь,

И поэтому знаю: со мной ничего не случится».

Дорогой друг мой, Люся, здравствуй!

Получил назначение и принял дела начальника разведки
дивизиона. Паршивая работа, но никогда я не хитрил и не
искал личных выгод. Завтра приступаю к новым обязанно-

стям. Теперь придётся пребывать в более опасных условиях в силу специфики новой должности. Либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Дальнейшее покажет, насколько счастлива моя звезда. А ты мне счастья пожелай! ...

Только что вручили мне моё письмо, посланное Владимиру. Конверт с пометкой прилагаю. Комментировать излишне. Конечно, можно еще предполагать, что Володя куда-нибудь переведен в другую часть. Но может быть и самое то, чего не хочется осознать. Во всяком случае, если он жив, то отзовется. Подождём еще ответа на мой запрос в часть о его судьбе. Не хочется смириться, чтобы такой парень погиб.

Остальное я тебе описал вчера в двух письмах и надеюсь на то, что ты всё-таки хоть немножко будешь чаще писать. Мало ли что у тебя теперь начались занятия и возможно меньше времени! Мне какое дело до этого, мне – пиши чаще и никаких гвоздей. А то, что от тебя еле дождёшься пару писем в месяц, это не дело. Встать! Смирно! И выполнять приказ без разговоров! Понятно, товарищ Люся?!

Все равно сижу сейчас «под носом» у фрицев и скучаю от безделья. Поэтому попробую сообщить свои соображения по тем 11 вопросам, ответы на которые ты мне любезно написала и просишь мои ответы.

1. Что делать, если живёшь одиноким всё время в лесу и тоска порой и грусть такая, что спасу нет?

Люся, согласен с твоим анализом причин к этому и согласен с рецептами по борьбе с этой хворью. Мне бы только ещё

хотелось знать: а ты то как разгоняешь тоску? Лес, конечно, тут – не фактор. Тоска и грусть могут иметь место и в Челябинске в больших советских домах. Но там у тебя есть мама, с которой ты всегда поделишься, если станет тяжело на душе. Есть подружки и ещё кто-нибудь. А что мне делать, куда прислонить голову? В письмах всего не выскажешь вам, да и не хорошо это делать, так как неблагоприятно удручать людей своими жалобами. В конце концов могут подумать, что ты пропащий человек, только и знаешь, что скулишь. Я бы ответил кратко на этот вопрос иначе: увлечься своей работой и тоску как рукой снимет. В работе основное лечение. Грустят и тоскуют тогда, когда бездельничают или «работа валится из рук».

2. Как бороться с бессонницей? А вот как: ложись точно в положенное время спать и ни о чем перед этим сильно не думай. И постепенно бессонница пройдет. Спать можно привыкнуть и отвыкнуть. И никакие медработники тут не нужны со всеми их снадобьями.

3. Что делать, если милая девушка очень редко и мало пишет? Надо ругать и почту – слов нет – за недоставку писем. Ну а если всё-таки эта милая девушка, скажем для примера – хотя бы ты, милая Люся, на самом деле мало пишет, то что делать? На вопрос ты так и не ответила, а лишь сослалась на бедную почту. На бедного Макара все шишки сыплются. Хотя в другом письме ты выступила уже в роли защитника почты. Думаю так: милая девушка, мало пишущая, должна

рано или поздно перестать быть милой за такую халатность. Нельзя рассчитывать оставаться долго односторонне милой. Это в порядке логики вещей.

4. Что такое любовь и условия её долголетия между влюбленными? Любовь суть высшая функция человеческих чувств в области продолжения самих себя. Всё живое на земле имеет в своей первооснове устремление продлить самое себя в виде потомства. Во имя этой первопричины сознательно и бессознательно люди достигли и создали то, что достигнуто «создано человечеством во всех отраслях и сферах жизни». Утвердить себя самих, как можно дольше сохранить себя и потом изродить самих себя в виде своих детей – на службу этому прямо или косвенное поставлено и делается решительно всё. Как бы оно отдаленным на первый взгляд не казалось. С момента когда у человеческой особи созревает сознание (а к этому времени – и всё остальное), с этого момента человек неизбежно начинает влюбляться, тянуться всеми фибрами своего сердца к противоположному полу. Это начинается уже в юности, а порой и раньше. Бывают, как и везде, разнообразные аномалии, но суть едина. Влюбляются, притягиваясь «+» к «-», подобно электрочастицам. Расцвет физической молодости слит расцветом чувств и духовной зарядки. Плоско, упрощенно говоря, всё обстоит так: я вырос и осознал так или иначе самого себя и окружающее: у меня ноет и кипит от избытка энергии и чувств всё внутри. Я живу; но я хочу жить и всегда-всегда так, как живу теперь;

моя биология толкает меня неудержимо к утверждению самого себя в этом мире; для этого нужно хорошо кушать и жить всласть = поиски материальных благ; но я – временное явление на земле, так как рядом масса фактов смерти людей; жить хочется, но от любой случайности и меня может нестать; однако по своей природе хоть чистоту своего я возможно воплощать в моём потомстве «и потому...». Но все это последнее высоко гармонично и рационально уже обеспечивается тягощением полов с известного момента молодости. В основе это тягощение лежит здоровый биологический аспект размножения (=все к тому же размножению самого себя на земле). Но у любой биологическая основа обрастает социальными условностями морали, традициями и формами осуществления этого устремления.

Даже жизнь при этом так отшлифовала живых, что «у людей и остальных существ при взаимном положении полов выработался скрепно действующий закон выбора. Выживает только здоровое, а больное и чахлое гибнет. А потому каждый из нас – здоровый и больной, угловатый и стройный, безобразный и красивый – все стремятся иметь потомство желательно от здоровой и полносочной особи: только при этом гарантия наверняка, что потомство выживет, так как от больной особи будет и чахлое недолголетнее потомство. А здоровое всегда имеет симметричные и полные формы и окраску. Отсюда стремление влюбляться в красивых (=здоровых), т.е. цветущих и потому приятно от них иметь детей.

Но мало хотеть здоровое, нужно чтобы и оно захотело тебя. Отсюда у людей бешеное устремление «показать себя», обратить на себя внимание, заставить избранную особь отдаться целиком в твою волю и распоряжение. Вот почему везде и самцы и самки (грубо говоря) стараются изо всех сил показать себя совершенными, здоровыми, цветущими, прекрасными, преданными друг другу. Для этого все средства хороши: и пестрые узоры красок нарядов, и умопомрачительные моды одежд, и весь арсенал парфюмерии, и изысканные манеры в обращении, и самые возвышенные формы языка (стиль), и все бесконечно разнообразные приемы ухаживания. Всё работает на то, чтобы обратить на себя внимание через органы чувств: на зрение, обоняние, слух, вкус и осязание. И обратить на себя внимание как можно большего числа особей, так как легче избрать себе того, кто нравится, из многих, чем из немногих. Отсюда пестрые краски и милое (у каждого по своему) формы у животных всех ступеней биологической лестницы, отсюда такой красивый хвост у павлина, песня у соловья, грива у льва, декольте у девиц, галстуки и прически, костюмы, мебель, картины, парки и т.д. и т.п. Иначе тебя не заметят и не захотят тебя!

Ну, Люся, это всё – объяснение первой (подчеркнутой) формулы любви, которую я написал сразу после вопроса. Её, если систематично и детально, не опишешь и в целом томе. А ты говорила – любовь это красивое, приятное! Вторая половина вопроса: условия долголетия любви у влюбленных.

Твой ответ правильный: отсутствие нужды и знание и понимание друг друга. Отсутствие нужды обеспечивают материальные условия, не отрываться от блаженства любить и быть любимым, не отрывать силы и время на добывания хлеба насущного. А понимание друг друга у любимых необходимо потому, что идеалов не существует и новизна первой поры любви стирается, любимые познают друг друга до дна и не всегда находят друг в друге то, чего хотелось. Но чтобы «тянуть ляжку» и терпеть друг друга до конца дней, надо заставить себя смириться со своим выбором и не переключиться на другой объект. Компромисс возможен в виде, в основном, дружной жизни при взаимных уступках, т.е. при взаимном понимании. В этом «ржавчина семейной жизни».

5. Что является внешним счастьем в нашей с тобой жизни? Абсолютно правильно. Любовь и её долголетие. Теперь первая половина у нас есть. Всё дальнейшее в наших руках. Любовь и взаимное понимание мы должны поставить на прочную основу материального благополучия, чтобы нужда не имела места в нашей жизни. Это решить будет не легко, но думаю, что при желании мы вдвоем честным трудом и известными нормами жизни обеспечить сможем себе средний прожиточный минимум. Будем избегать «финляндки аки пистов» и всё будет в порядке. Не так ли, Людмила, милая Людмила!

6 и 7 вопросы разрешены исчерпывающе.

8. Что такое красота и кого из мужчин и женщин можно

назвать красивыми?

Об этом я сказал в комментариях к понятию любви. Кратко: красивый это прежде всего здоровый; красота больных призрачна. А здоровый имеет симметричные формы, гармонию линий и цветов. Носители этого красивы. Внутренне красивые люди выделяются умом, манерами, поступками, голосом, способностями, и т.д. Это всё – сущность полноценной особи, т.е. здоровой.

На 9 и 10 вопрос я ответил в прошлом (вернее, в прошлых письмах).

11. Как определить искренность друга и степень его лицемерия?

По его делам! Не на словах, а на деле видеть, что за человек. В нашем случае с тобой – хотя бы по количеству и содержанию писем. Но об этом довольно с тебя. Иначе ты станешь мне чаще писать, но возможно, это окажется лишь вынужденной реакцией на мои приставания. Порой я даже задумываюсь: а не вынудил ли я у тебя, мой друг, согласие на дружбу, так как слишком много и настойчиво я напоминал и просил у тебя ответа, но ты подозрительно долго избегала дать ответ, пока как-то однажды не собралась с духом и не промолвила-таки то драгоценное, что я волнующе ждал.

Пока, Люся! Не сердись, если что не так написал. Некогда строго взвешивать всё и потому, возможно, где переборщил, пересолил, переусердствовал. Зато ты всё больше и больше узнаешь меня, хотя лишаешь меня такой же возможности

своими лаконичными и редкими письмами.

Но! Опять про то же. Прости, Милая! Что у кого болит, тот о том и говорит. Дружеский привет родным и Лиде с М.Д.

Обнимаю тебя, мой дружок, и целую – Стива.

P.S. Теперь буду мало и редко писать, пока ты не начнешь часто и много писать, ей Богу!

Письмо от 6 октября 1944 года

6 октября 1947.

(47)

«Мы ждем тебя провозвещая
Под косяк Хандных Ветров.
Но мы ждем не ждем,
Но всё было дело бы, слов».

Здравствуй, Анна!

Теперь и ты увидишь, какой я таковой
человек: обещая писать мало и редко тебе в
предыдущем письме, а вот не выдержавши духа
и слова пишу. Существо, что у нас проща и тебе
и теперь некаким-то образом не держити самого
себя. Этобы помыслишь как с кем-то. В своем
и целом, как видится, я балую: балую и бол-
носо тебе, милою, балую балую цинично и про-
нужаю. Но и пишу ты всё, как ты пишешь,
каждо в рат набрала? Надумала, неужели у тебе
такая нет о нем рассказать мне, помыслишь
во мной, помыслишь, помыслишь, помыслишь?
Каково же будет наша жизнь в действительности, если
ты у нас о своих писателях помыслишь такую
помыслишь! И ты пишу все при этом, когда
мы в разлуке. Нет, и помыслишь я, помыслишь ко тебе
и мне становиться неудобно перед Хандных
Собором: зачем я тебе пишу Хандных
Здравствуй Анна так! (- перевод в родного, Хандных.
Может быть Анна я парню Хандных парням входи.
Хотел? И пусть всё как-то кружится. Мне ведь
не было бы приятно писать тебе, когда долго в раз-
луке. Неужели тебе, то ответа нет. Ты ведь с любовью

воображаю друга, но друг оказался. Давно же и
лучше и больше тебе... Неужели ты как-то себе
только мне и разговаривать с тобой и как-то, но как
предпочти написать тебе, когда долго в раз-
луке. Неужели тебе, то ответа нет. Ты ведь с любовью
воображаю друга, но друг оказался. Давно же и
лучше и больше тебе... Неужели ты как-то себе
только мне и разговаривать с тобой и как-то, но как
предпочти написать тебе, когда долго в раз-
луке. Неужели тебе, то ответа нет. Ты ведь с любовью

покупали, повеселились, потягивали, попили, по-
дуростили. И где то меняет все сны, с кем востре-
тась я ну вдовичицу в прошлом году! Но куда бы
где ни был, а меня сны догоняют, зноют. Когда
я еще не знаешь был я тогда, хитрей и знала она Во-
лоды, что ты есть такая тама, что Кашка Ка-
раев был немого связан я тогда, но что потом
вои уны я или почему-то не востражила и, как-то
сидя, почти не переживавшими. Как то востре исея
того в один из шумных вечеров после заката в
Киеве, когда Нина ташкой востражила у гурдаца
посурка, в разговорившито и воструе Комитанто
недоши и а стурда-то в остредного востражила.
Почему, как ябьтас, Владислав резко воструея и срада
утомовившисья замешети в буйном воструе ташки-
сизакя. у ташки яказал: „Вои Степана надо яв-
зайт с какой-нибудь бабой. А то он захажет от
таких востражили и востражили.“ Все дружно подду-
тали Владиславу. Он востражили: „А, Степанки, сати
у меня бабушка — вва!!! У хожет, стаба в Кем-
ной, познакомлю“. На шире ташки востражили
и меня подшито, я востражили. Мы шумели
востражили в Усмановичах, востражили у Владислава. Ум-
рану пришла ташки. Останчивое ты ташки знаешь
да и я в первых востражили из Усмановича к тебе
доржаказывали. Почему, при первой востражили мне
востражили вваду ташки ташки, дажте было медово
разотривати востражили востражили. Ты была, ташки
но, ташки и востражили. И в первых же шумели
и востражили пока ты ташки востражили ташки.
Ташки востражили, я яказал Владиславу, что зря ташки
ты не походишисья. Он горячо востражили
ташки, востражили востражили востражили ташки,
но я востражили ташки. Он ташки один
и ташки так востражили востражили, что я востражили
ташки ты востражили востражили. А почему ташки

твоя записка, к которой взаимно не писал
записок. А еще две или три вступили. И
все. Конечно, ни ты меня, ни я тебя в су-
щество так и не узнали. А искал на дороге,
виделась дождаться тебе и доиспытать. Скажи
по я писал — не упоминай и не свихивай.
Но ты сама себе! В парадке стабильности
в приличиях иногда или приатмалась косяк
ко слов. Битко у тебя зима ребенка и
забот там. А у меня их меньше...

И вот криши, коинто, мими в леоне карвое
кисило от тебя. Какое оно было, ты же забыла,
также как я его отождал обратно а запис-
ка от себя. А потом еще по больше ве-
селити писали, вот и всё. И в последнем пись-
ме расхвасталась: „Пишу тебе часто, во вся-
кая ялучае, не реже, чем пишешь ты.“ Ура-
ра! Что ты думает. А то бы я командов-
вал с полкотики команд и лаврового вен-
каме для тебя за твои кушанские ушима
в области молчания. Христиан, дурагая! Слово
— серебро, молчание — золото. Золото когда
было петроховском страшике илчана и об-
мещивания кестотий. А — врат золота и
молчания. А предпринимать серебро и смугро-
венный разговор. Но тебя разве введешь из
турецкой нейтральности? Смышком тыгнет
твордан каких ты криши, чтобы ты заговори-
ла со мною горячим, твоими словами от всего
сердца. Смышком масельно слыно нового парата,
чтобы пралик взвошь как мой воб. Смышком
страшиком менчут тебе раба твоем — твоим
звездочетом, чтобы ты доверилась и помня меня.
Ну так же! Либо — либо. Вечно так дитая не
мощей. Нду ответ. Целую и обнимаю — Армена

№ 118-932/43

6 октября 1944 года

«Ты молча меня провожала
Под песни холодных ветров
Ты мне ничего не сказала,
Но все было ясно без слов».

Здравствуй, Люся!

Теперь и ты убедишься, какой я нетвердый человек: обещал писать мало и редко тебе в предыдущем письме, а вот не выдержала душа и снова пишу. Чувствую, что уже привык к тебе и теперь никакими силами не удержать самого себя, чтобы помолчать хотя бы с недельку. В общем и целом, как видишь, я болтун: болтаю и болтаю тебе, милая, всякую всячину целыми страницами. Но к чему это всё, если ты молчишь, как воды в рот набрала? Людмила, неужели у тебя таки нет о чём рассказать мне, пошутить со мной, посмеяться и погрустить, поспорить? Какова же будет наша жизнь в дальнейшем, если ты уже с первых месяцев нашей дружбы такая молчаливая! И к тому же при этом, когда мы в разлуке. Нет, смотрю я, смотрю на тебя и мне становится неудобно перед собственной совестью: зачем я сердце себе ранил холодным взглядом этих глаз! (=перевод с родного белорусского). Зачем? И пусто всё кажется кругом. Так особенно больно ощущаешь пустоту, когда долго и настойчиво зовёшь, но ответа нет. Ты звал с глубоким волнением друга, но друг оказался далёким и глухим к твоим зовам... Недаром ты как-то сове-

товала мне «разговаривать самому с собой», но для предлога выставила при этом якобы боязнь, что я разучусь говорить на родном языке. Нет, оказывается, недаром. Ну что ж, посмотрим, чья возьмёт.

Остальное здесь пишу не для тебя, а так, говорю сам с собой, чтобы не разучиться совсем говорить. У нас здесь тоже осень. Низкие тучи гонит ветер день и ночь. Дожди. Но холода еще нет, только свежо и прохладно. Самый основной враг, кроме немцев, это сырость. Однако в комнатах сидеть опасно и ночевать приходится спускаться в подвал. Там ординарцы натаскали мягких кроватей, перин, подушек, простыней, одеял, диванов, кресел, зеркал, ковров. Так можно еще воевать. Кушать есть всякой всячины. Есть вина разные, папиросы. Есть всё. Нет только ещё конца войны. Но он скоро будет. Мне кажется, что предстоящая зима должна принести нам окончательную победу над врагом. Еще один сильный удар, чтобы только тронулся драпать фриц. И уже потом мы безостановочно въедем на его шею в его проклятый фатерлянд. Там мы будем делать зону пустыни всем райхдойтным поголовно. Здесь мы бережно поступаем, желая сохранить хоть что-нибудь освобождаемым из-под «нового порядка». Но там ничто не вызовет у нас сожаления. За око два око. За кровь – и кровь, и потроха. Время идёт и ярость снова конденсируется и нарастает у нас, как снежный ком. Чем дольше заминка, тем хуже для немцев.

Остался ровно 1 месяц до 7 ноября. Так как мои письма

медленно доходят к тебе, Люся, то я уже в каком-то письме написал тебе поздравления свои по случаю 27-й годовщины Великого Октября. В силу моих здешних условий впервые мне не придётся отметить этот день в кругу друзей. Но мысленно я буду, как и всем сердцем, вместе с моим великим советским народом в этот день. В прошлом году я эту годовщину отмечал в Чебаркуле. Среди друзей и товарищей. Славно погуляли, повеселились, поплясали, попели, подурачились. И где-то теперь все они, с кем встречал я ту годовщину в прошлом году! Но кто бы где ни был, а меня они вспомнят, знаю. Тогда я ещё не знаком был с тобой, хотя и знал от Володи, что ты есть такая там, что Колька Карасев был немного связан с тобой, но что потом вы уже с ним почему-то не встречались и, кажется, почти не переписывались. Как-то вскоре после этого в один из шумных вечером после занятий в классе, когда наши толпой собрались у горячей печурки, в разговаривавшую и веселую компанию подошёл и я откуда-то с очередного совещания. Помню, как сейчас, Владимир резко обернулся и среди установившейся заминки в буйном веселых толпящихся у печки сказал: «Вот Степана надо связать с какой-нибудь бабой. А то он зачахнет от своих совещаний и зубрежки». Все дружно поддержали Володю. Он продолжал: «Эх, Степка, есть у меня девушка – ввво!!!! И хочет, чтобы я с кем-нибудь познакомился. Давай поедем на выходных, познакомлю». На миру таком товарищей и меня подмыло, я согласился. Мы приехали вскоре в Челябинск, остановились

у Лиды. Утром пришла ты. Остальное ты сама знаешь, да и я в первых письмах из Чебаркуля к тебе дорассказывал. Конечно, при первой встрече мне, имея ввиду такие планы, даже было неловко разыгрывать заранее продуманное. Ты была, помню, тиха и незнакома. И в первые же минуты я решил пока что лишь присматриваться. Приехав домой, я сказал Володе, что зря ехал, ты неподходящая. Он горячо разубеждал меня, просил в следующий выходной поехать, но я отказался наотрез. Он поехал один и потом так разрисовал всё, что я согласился на второй визит. А после этого твоя записка, несколько взаимных писем, записок и ещё две или три встречи. И всё. Конечно, ни ты меня, ни я тебя в сущности так и не узнали. Я уехал на фронт, надеясь досказать тебе и дораспросить. Сколько я писал – не упомянуть и не сосчитать. Но ты верна себе: в порядке любезности и приличия иногда мне присылаешь несколько слов. Благо у тебя уйма работы и забот там. А у меня их меньше...

И вот пришло, помню, лишь в июне первое письмо от тебя. Какое оно было, ты не забыла, так как я его отослал обратно с запиской от себя. А потом ещё не больше десяти писем, вот и всё. И в последнем письме расхвасталась: «Пишу тебе часто, во всяком случае, не реже, чем пишешь ты». Ура! Жаль, что ты далеко. А то бы я командировал с полсотни солдат с лавровым венком для тебя за твои усилия в области молчания. Крепись, дорогая! Слово – серебро, молчание – золото. Золото всегда было источником страшных личных

и общественных несчастий. Я – враг золота и молчания. Я предпочитаю серебро и откровенный разговор. Но тебя разве выведешь из «турецкой нейтральности». Слишком тяжел тюрбан каких-то причин, чтобы ты заговорила со мною горячими, живыми словами от всего сердца. Слишком массивны стены твоего терема, чтобы проник сквозь них мой зов. Слишком страшное шепчут тебе рабы твои – твои звездочеты, чтобы ты доверилась и поняла меня. Ну что ж! Либо – либо. Вечно так длиться не может. Жду ответ. Целую и обнимаю – Стива

Открытка от 8 октября 1944 года

see on Church

Любимая!

48

Расцветай и вечно вноси свежесть в мои чувства, в мое сердце, в мою жизнь. Ни житейские невзгоды, ни разлуки, ни болезни пусть не прикасаются к бесконечно дорогим твоим лепесткам!

Да будешь ты неиссякаемым источником всегда для моего счастья, вдохновенья, успехов и бодрости духа!

Благоухай! Озаряй ярким светом наш путь вперед! Помни: ты всегда у моего сердца (Дорогой Люсе от Стивы).

Фронт, 20.44.

БНБ
5118
НБ-7338/44

8 октября 1944 года

Фронт

Любимая!

Расцветай и вечно вноси свежесть в мои чувства, в мое сердце, в мою жизнь. Ни житейские невзгоды, ни разлуки, ни болезнь пусть не прикасаются к бесконечно дорогим твоим лепесткам! Да будешь ты неиссякаемым источником всегда для моего счастья, вдохновенья, успехов и бодрости духа!

Благоухай! Озаряй ярким светом наш путь вперед! Помни: ты всегда у моего сердца (Дорогой Люсе от Стивы).

Письмо от 8 октября 1944 года

8 октября 1944.

49

Люся, здравствуй!

"И приятно и радостно ни душе и душе".

От такого хорошего от ее письма. И правда, лучше не скажешь. До чего точно и кратко сказано! Попробуй твое письмо от 21.09. И приятно и радостно стало ни душе моей да и дочкой на далекой гурьбаке. Нет, Люся, не обижайся я за то, что ты открывенно изложилась воя и мнения и по тем вопросам, в чем ты не согласна со мной. Во-первых, я не отказываюсь тебе и тогда, и ты должна поправлять меня там и тогда, где и когда найдешь нужными указаниями на ошибки твоих поступков и изречений. А во-вторых, ты была бы совсем ужасно человеком, если бы во всем соглашалась со мной. Я не хотел бы такой жены, которая бы была только безответной слушательницей для меня, какими и сам не намерываюсь быть для своей жены. Людишка, мы должны быть равны друг другу, помогаем друг другу и исправляем взаимно наши слабости стороны. О любви и верности и повиновении изложишь, это разумеется само собой.

Отвечать на вопросы твоего письма по порядку и так, как я только могу ответить.

1. Люсяшка, ты утверждаешь, что я, как и раньше в Челябинске, не могу комментировать твои слова так, как ты говоришь их. И откуда будто бы я как-нибудь и как-то подаю тебе в своем ответе по поводу твоих слов твои бранные курить и подтягиваться во внешнем виде. И все мое письмо в этой части показало тебе как "красочно курящего курящего человека" и моей стороны к твоим словам. Милая моя дочка, может быть это и так все выглядит для тебя. Для меня все это совсем не так представляется. Я судя по твоим письмам забочусь о моем здоровье и о том, как согласен, это вредно курить и выпивать. Я много ни халкому ни дружи, если у меня будут великие проблемы, то я...

А либо просия вовек курить, либо, смотря на
здешние условия, хотя бы ограничиться в этом
как-нибудь. Вай так бы я тебя поклялся безоши-
бочно. Но все было сказано табаю, Нося, в
судные катогорического предостания: Брав
курить и никаких сводей! Это показав
мне очевидно, так как здесь ты вовсе не
поняла свободы моих здешних усло-
вий жизни, то-есть инокоричуешь самое
то, что сказал в смертельных книжках
всего меня и держит ват уже 40 месяцев
всё моё над пропастью неизвестности:
жив ли я останусь или погибну. Когда
стоит вопрос о жизни или смерти, тог-
да вопрос о курении выигрывает ничтож-
келью. И потому такая форма предостания мне
показалась очевидной. Я абидевишия, я кемто-
то нарушил тебе. И потому теперь мне пока-
ло за этою тебе. И поделаю! А теперь
давай этот вопрос будай считать нехотан-
кею, так как вопрос о курении абиде-
дать как же те вриши еще.

2. Давнее ты, разобидевишия в этою округе,
с отпачившия кемто-то дверь и гаваривши:
"Хорошо, пусть будет по-твоему. Но мнею
права заирециать тебе или ограничивати твою
вселания, в конце концов это твоё личное
дело". Нем, ишелелькия, так поступати кемто-
вилью. Вселени право и заирециати и ограни-
чавати мои вселания те, которое посто-
авь курения. А я тогда всегда буду под-
вое приимати к тебе. Никого теперь у нас,
нет морозы, в том смысле и все наши личные
каждого стало нашими совшестьными. И по-
му в равной степени мне теперь доуого всё
твое: и здоровье, и честь, и привлекчи, и теле-
ния, и настоящие, и будущие — как равное свое.
Никто "твое" теперь не являється только тво-
им, равно как и мое теперь — не только мое.

Так это муш я & табаю совершенно те согла-
сам и праму такое мнение. перекинувшись
в книге.

3. Милая моя Люся, прошу тебя размыслить одно место из твоего письма, которое я совершенно не понимаю. Читая, переживала, до так и не могу ничего понять. Привожу эти слова наизусть, чтобы не допустить их из обзоров мысли, которую ты выжко доводишь: "Ты дурачился и не купил твой дрозд, такой замечательный смуред, черно-ры и кривой сабий"! Как будто эта мелочь решает судьбу моего замужества. Ты будто бы ошибаешься, если так дурачился, и пусть в производственных делах погоди войной будут равно имени **добавками** годами, но у меня вопрос о замужестве **хотелось** таким же **судьбы** как и вдумчивости. Все понимаю, а вот от слов "и пусть в производственных..." и т.д. не могу уразуметь, о чем здесь говорится.

Вот и всё, моя подружка. А про остальное скажу так: буду осторожен всячески и во всем, чтобы вернуться к тебе невредимым. Ну а если не удастся увидеть, то ничего не поделаешь. Во всяком случае ты от этого не пострадаешь и потому моя смерть для тебя будет лишь миллионной изюминкой. А вот если я буду изувечен, вот в этом случае мне хочется знать, как ты отнесешься ко мне. Во всяком случае я не свадлю тебе никогда об этом. Найдешь — хорошо, а не найдешь — тоже хорошо. Радоваться, а даже и разговору об этом замечать не хочу. Это за разговора! Какое то буду осторожен и буду жить в какой-то порт меня не возмезд. Не вернусь к тебе, Люся, на свадьбу, но таму так-таки лучше по своей подруге, востражуемо и хмельную **спасения** свадьбу. Нды меня и я вернусь. Только очень жди...

Об окружающих ты паразитическое место написала. Вот типичная их кризисная мысль: **тщеславие**, **мизантропия**, **зависимость** **восточности**, **предельности**, **кошмары** и **мизантропия**, **коварности** **предельности**, **злонимчивость**, **лень** **С** **беложивыми** **от** **этого**

олике великих (о величиях и подвиги!)
те могу быть хвалены клятвами. Но это,
что и везде. За три едвентника можно
купить ее с головы до пят.

Моя, моя конечно венчается не бу-
дем я тобой, мой светик. Но к какому мо-
но настать я не принадлежу. Кстати, что
мои замечания этот ветхий адский кем-
либо более рациональнее. Но чем? Давай
серьезно обдумаем оба, как интереснее офор-
мить нашу свадьбу. Страна наша ризор-
на и трудно будет оформить и подкрепить
нашу свадьбу материально. Но что-то
надо сделать такое, чтобы свадьба запом-
нилась и верно нас обязывает. Обдумай и
доблестно свои умения, а я обещаю тебе.

Эпинок несет приматаю. Я их использую
а поминать, но ты впадалась в крайне персе-
дуго лент, если ялавоглавием лето поминать
гемальбой (хотят, то же звучит и как-
кванто и мизикой). У некоторая нежен я то-
же люблю и концы и входы и потому встав-
ляя свои темень мои, да кто можно
подлинных. Ты со своей скромной найдет
куда мне, перед поврежденностью моей!
Что-то!!

О планах на будущее подробно напишу
завтра в Энциклопедии твоей. Сегодня
на этом канале. Уже 2 часа ночи. Свора-
застав все дни эти сродни тем разрывов.
Ничего бабаша и пофотай налет куда
пошло, мисс до мизикой побольше. Про-
щай ребята "мелкая ешкка" - рижская-
музыкальная студия. Помощь.

Иду спать. Спокойной ночи, Гарбо
любимая, безумно дорогая моя девушка!
Постарайся быть медленнее представлять
как ты сейчас безмятежно спишь. У вас
менее 5 утра. Дружеский привал нам,
еще, Николаю, Ане, Инде и М.О. Наме
привет мой. Передаст. Целую крепко. Отвеча

Л.С. Давидович Давидович. Так Давидович!

5
118-7338/45

8 октября 1944 года

Фронт

Люся, здравствуй!

«И приятно, и радостно на душе у бойца

От такого хорошего от её письмеца».

И правда, лучше не скажешь. До чего точно и кратко сказано! Получил твоё письмо от 21.09. И приятно и радостно стало на душе моей одинокой на далекой чужбине. Нет, Люся, не обижаюсь я за то, что ты откровенно излагаешь свои мнения и по тем вопросам, в чем ты не согласна со мной. Во-первых, я не идеал и ты должна поправлять меня там и тогда, где и когда найдёшь нужным указать на ошибочность моих поступков и суждений. А во-вторых, ты была бы совсем убогим человеком, если бы во всём соглашалась со мной. Я не хотел бы такой жены, которая бы была только безответной слугой для меня, каким и сам не намереваюсь быть для своей жены. Людмила, мы должны быть равны друг другу, помогать друг другу, и направлять взаимно наши слабые стороны. О любви и верности и говорить излишне, это разумеется само собой.

Отвечаю на вопросы твоего письма по порядку и так, как я только могу ответить.

1. Люсенька, ты утверждаешь, что я, как и раньше в Че-

лябинске, не хочу понимать твои слова так, как ты говоришь их. И отсюда будто бы я насмешки и колкости подарил тебе в своём ответе по поводу твоих советов бросить курить и подтянуться во внешнем виде. И всё мое письмо в этой части показалось тебе как «красочно прикрытое пренебрежение» с моей стороны к твоим советам.

Милая моя девочка, может быть это и так всё выглядит для тебя. Для меня же это совсем не так представляется. Я сердечно тронут такими заботами о моём здоровье и целиком согласен, что вредно курить и неприятно ни самому, ни другим, если у меня будут вечны рыжие зубы и пальцы. Но ты ко всему эту могла бы лишь добавить, чтобы я либо бросил вовсе курить, либо, смотря на здешние условия, хотя бы ограничился в этом как-нибудь. Вот так бы я тебя понял безошибочно. Но все было сказано тобою, Люся, в форме категорического требования: брось курить и никаких гвоздей! Это показалось мне обидным, так как здесь ты вовсе не поняла особенностей моих здешних условий жизни, то есть игнорируешь самое то, что сжало в смертельные тиски всего меня и держит вот уже 40 месяцев всё моё над пропастью неизвестности: жив ли я останусь или погибну. Когда стоит вопрос о жизни или смерти, тогда вопрос о курении выглядит ничтожным. И потому такая форма требования мне показалось обидной. А обидевшись, я немножечко нагрубил тебе. И потому теперь мне попало за это от тебя. И поделом! А теперь давай этот вопрос будем считать исчерпанным, так

как вопрос о курении обсуждать сейчас не время еще.

2. Дальше ты, разобидевшись в свою очередь, с отчаянием хлопаешь дверью и говоришь: «Хорошо, пусть будет по-твоему. Я не имею права запрещать тебе или ограничивать твои желания, в конце концов, это твоё личное дело». Нет, миленькая, так поступать неправильно. Имеешь право и запрещать, и ограничивать мои желания те, которые считаешь нужным. А я тоже всегда буду подобное применять к тебе. Ничего теперь у нас нет порознь, в том числе и всё наше личное каждого стало нашим совместным. И потому в равной степени мне теперь дорого всё твоё: и здоровье, и честь, и привычки, и желания, и настоящее, и будущее – как родное свое. Ничто «твоё» теперь не является только твоим, равно как и моё теперь – не только моё. Так что тут я с тобой совершенно не согласен и прошу такое мнение пересмотреть в корне.

3. Милая моя Люся, прошу тебя разъяснить одно место из твоего письма, которое я совершенно не понимаю. Читал, перечитывал, да так и не могу ничего понять. Привожу эти слова полностью, чтобы не вырывать их из общей мысли, которую ты высказываешь: «Ты думаешь мне нужен твой фарс, твой заграничный мундир, шпоры и кривая сабля?! Как будто эта мелочь решает судьбу целого замужества. Ты глубоко ошибаешься, если так думаешь, и пусть в производственных делах полгода войны будут равны шести довоенным годам, но у меня вопрос о замужестве останется таким же серьез-

ным и вдумчивым». Всё понимаю, а вот от слов «и пусть в производственных...» и т.д. не могу уразуметь, о чем здесь говорится.

Вот и всё, моя подружка. А про остальное скажу так: буду осторожен всячески и во всём, чтобы вернуться к тебе невредимым. Ну а если не суждено уцелеть, то ничего не попишешь. Во всяком случае, ты от этого не пострадаешь, и потому моя смерть для тебя будет лишь мимолетным эпизодом. А вот если я буду изувечен, вот в этом случае мне хочется знать, как ты отнесешься ко мне. Во всяком случае, я не сообщу тебе никогда об этом. Найдешь – хорошо, а не найдёшь – тоже хорошо. Собственно, я даже и разговора об этом затевать не хочу. Что за разговоры! Конечно буду осторожен и буду жив и никакой черт меня не возьмёт. И вернусь к тебе, Люся, на свадьбу, на нашу таинственную по своей новизне, волнующую и хмельную счастьем свадьбу. Жди меня и я вернусь. Только очень жди...

Об окружающих ты поразительно метко написала. Вот типичная их физиономия: жадность, лицемерие, заоблачное высокомерие и тщеславие, коварность предельная, злопамятность, лень с безграничным стремлением к щегольству. О приветственном облике девушек (о женщинах и подавно!) не могу петь хвалебных псалмов: то же, что и везде. За три сребрянника можно купить её с головы до пят.

Люся, мы конечно венчаться не будем с тобой, мой светик. Ни к какому лоно паствы я не принадлежу. Считаю, что

мы заменим этот ветхий обычай чем-либо более рациональным. Но чем? Давай серьезно обдумаем оба, как интереснее оформить нашу свадьбу. Страна наша разорена и трудно будет оформить и подкрепить нашу свадьбу материально. Но что-то надо сделать такое, чтобы свадьба запомнилась и вечно нас обязывала. Обдумай и сообщи свои мнения, а я сообщу тебе.

Список песен прилагаю. Я их списывал с памяти, но ты выпадаешь в крайне персидскую лесь, если прославишь мою память гениальной (хотя это уже звучит и колкостью, и шуткой). У некоторых песен я тоже забыл и концы, и середки и потому вставлял свои тексты там, где не помню подлинных. Ты со своей скромной памятью пади ниц перед посредственностью моей! То-то!!!

О планах на будущее подробно напишу завтра в специальном письме. Сегодня на этом кончаю. Уже 2 часа ночи. Содрогаются весь дом от оружейных разрывов. Немцы боятся и по ночам палят куда-попало, лишь бы шуму побольше. Трещит рядом «мелкая сошка» – оружейно-пулеметная стрельбина. Полночь. Иду спать. Спокойной ночи, горячо любимая, бесконечно дорогая моя женушка! Постараюсь хоть мысленно представить как ты сейчас безмятежно спишь. У вас теперь 5 утра. Дружеский привет папе, маме, Николаю, Але, Лиде и М.Д. Маме привет твой передал. Целую крепко. Стива

Письмо от 9 октября 1944 года

9 октября 1944.

(50)

Дорогая Люся!

Всё это время я почти пишу тебе, почти каждый день. Все вопросы разрешаю. Остаются вопросы о моих планах жизни после войны, которые мы ставили в последнем своем письме. Этот вопрос, довольно большой и настоящего серьезный, что подробно и емко трудно всё предугадать и ответить.

Модница, я об этом как-то совсем уже писал тебе недавно. При решении этого вопроса большую роль сыграть должны абсурдизм и решение сближенно с тобой, моя жемишка. Верю, что война еще продолжится еще больше года. К этому времени ты закончишь школу и должна будешь приступить к работе по специальности. Я не знаю, в каком направлении Харьковской республике или Союза находится ваша школа. Если Союза, то ты конечно можешь потребовать переезда на работу в любой город страны. Обдумав все, считаю, что Одесса - наиболее приемлемое место, где ты можешь начать свою совместную жизнь и получить работу. И жилищно, и экономически ты сможешь, и масштабы города (= возможности обмена получившей работу по специальности) в Одессе наиболее благоприятны. Решитесь вы, что я из армии смогу получить право жить и работать в любой части страны. Но тебе в этом отношении будет нужнее, так как тебе можно записать куда-либо в Одессу или еще куда-нибудь после войны. Поэтому заранее имей в виду Одессу в при выборе места работы и жительства, а мотивируй это любовью к себе.

Ходит в руках Вашего назначения и поговорю
может вмешаться. В этот вопрос, если будет
решено. Это то, в чем я связан только
три решения вопроса, чем закончить мое
вопрос.

Разоренная войною наша страна после войны
в первом году будет испытывать много нуждос-
тей материальных. Но мы с тобою уже догово-
рились, что одной из сторон счастливой войны
и крепкой любви является отечественные
культуры. Поэтому на первом этапе мы оба вступи-
дем в работу. Я думаю, что без работы
тебе самой будет скучно сидеть дома и по-
тому ты сама не согласишься быть в это время
только домохозяйкой.

Много я рассчитываю поступить так.
Окончившая война - получит отпуск и
приехать к тебе на свадьбу и будем устраи-
ваться в работе. Однозначно надо будет
помощь моей матери - старушке определить
себе куда -нибудь на первое время: либо к
одной из моих сестер, либо на время за те-
перешнего моего жительства. Это уже
люди, если сразу из армии не удастся
уволиться. Конечно, в этом случае ты
поедешь со мной куда, где я буду учиться.

Если ты согласишься сразу демобилизоваться,
то вопрос немного изменится. Я, конечно,
уйду либо на партийно-авиационную ра-
боту, либо (а это скорее всего так и будет)
по специальности преподавать в техни-
ку или же в институт (университет).
Буду думать, где и кто предложит
настроение. Хочется в Одессу. Там, в
этом, я разделяю уже твою явку
(сестра моя) и переживать в семье.
Если дела будут в Москве или Ленинграде
лучше обстоять, но может быть и.

там обожуемся. Но определеннее рассчитывать на Одессу по видне измотанным легионам. Успешнее в работе, тогда буду перевозить к себе и маму - старушку. Одножелание и ты передешь ко мне, если будешь к нему времени в другом месте. А можем быть по времени все устроившая так, что одновременно мы оба сможем устроивать на работу. Это еще лучше будет: сразу подем в нашеченный город после свадьбы.

Такими образами, Моея, ты видишь, что я в армии не намерен оставаться никак. Если ты не удасться сразу дело устроившая, то пропущу максимум год и потом при первой же возможности перейду на гражданскую работу. Таков мой план на послевоенное.

Но мой план должен быть выполнен в точности. А потому я жду от тебя сообщения о твоих решениях и советях, как нам лучше поступить в данном вопросе. В Семейнике и в иных подобных городах я никак не останусь жить, конечно. Охерь бедная, мать твоя у вас, скучная и тихая клизма. До ты и сама не захочешь там оставаться.

Нового пока у меня больше нет ничего. Вот список песен, которые я заметил в бесконечных книгах:

1. Письмо Современного Солда	51. Ах ну-ка, девушки
2, 3 и 4. Песни с Сталине.	52. Об из узкой дороге - Дорожники
5. Москва	53. Не влюбвой нам, Франца...
6. Любимый город	54. Марш Мизовка Шмицовой Валент
7. Лейся твоя на турфоре	55. "Канталес"
8. Вилли мафонсе.	56. Марш Вексман ребят.
9. Мду по знакомой дороге.	57. Письму кто у все
10. В путь-дорожку Давидово	58. Эфер судья (изл. романс)
11. Партизан	59. В суде Ростовскаши Сидуртка
12. Священная война	60. Марша Влошка
	61. Марша
	62. Кис мам

121. Восток хранил ядра покойных
 122. Князь великий
 123. Амурский край, великий
 124. Ученый
 125. Солнышко, звезда
 126. На востоке холм мужей
 127. Воина
 128. Великий восток холм
 129. Ох, Андрейша
 130. Это все-таки пошлый эффект
 131. На востоке
 132. У меня такой характер
 133. Каким образом
 134. Дубинка
 135. Протестантский
 136. Восток
 137. Мухомор, опухоль
 138. Солнышко и звезда
 139. Как выдала в жару
 140. Великое
 141. Ах, зачем это море
 142. Каким образом звезда
 143. Сказка
 144. В том краю, во восток
 145. Голова
 146. Снежинки
 147. По дороге
 148. Лукой охвачено державное
 149. Кинжал

151. Камушка
 152. Восток Кавказа
 153. Звезда
 154. Ученый
 155. Последний
 156. Бывало
 157. Тройка
 158. По какому
 160. Распространение
 161. Хлеб
 163. Ох, Андрейша
 165. Каким образом
 167. Бродяга
 168. Я не могу
 169. Звезда
 170-174
 175. Царь
 176. Ох, Андрейша

Ах, Андрейша! Ученый и характер
 Сказка. Как выдала, как
 много. Но все-таки очень
 и ох, Андрейша в Солнце. Когда я
 вспоминаю эти вещи, а
 мысли на восток и мысли
 возможности небы. А
 здесь уже нет возможности
 Сказка, а мысли восток и
 мысли восток восток. Сказка
 раздала все восток

раздало. Теперь же до восток. Но восток
 все после восток, когда восток

Ну что еще надо сказать, а? Хотел
 к груди твоей прижаться, хотел
 обнять. Хотел навек я твои
 объятия. Хотел тебе
 сказать и сказать... Но-сказка
 не сказать, а пожелать
 тебе счастья. Конечно, кто-то
 тебе скажет: «Ну и что?»

Pani Ludmiła! Przepraszam bardzo, że
nie pisałem długi czas. Disiej my walczymy o wol-
ną Polską, niepodległą i demokratyczną. Walka odebrą
wszystką siłę i czas dopiero. Co robi się tu!...

Kochana Lusia! Proszę czytać ten humor:

"Złote serce"

Maly Ldzirio wbiega do pokoju:

— Mamurim, mamurim — daj mi pięciadze dla
jednego starego człowieka.

— Dobrze, kochanie. A gdzie jest ten biedny
~~stary~~ starszek?

— Sto! tam na ~~starym~~ rogu i sprzedaje
sukierki.

Перевод: „Золотое сердце”

Малому Лдзирю вбегает в комнату:

— Мамошка, мамошка — дай мне денег для
одного старого человека.

— Хорошо, милый. А где этот бедный старик?

— Там на углу стоит в магазине конфет.

Но... пора и мне уходить. Написал письмо к
маме попового. Прощай, Pani Ludmiła!, т.е.
Кувшиновича, наши друзья!

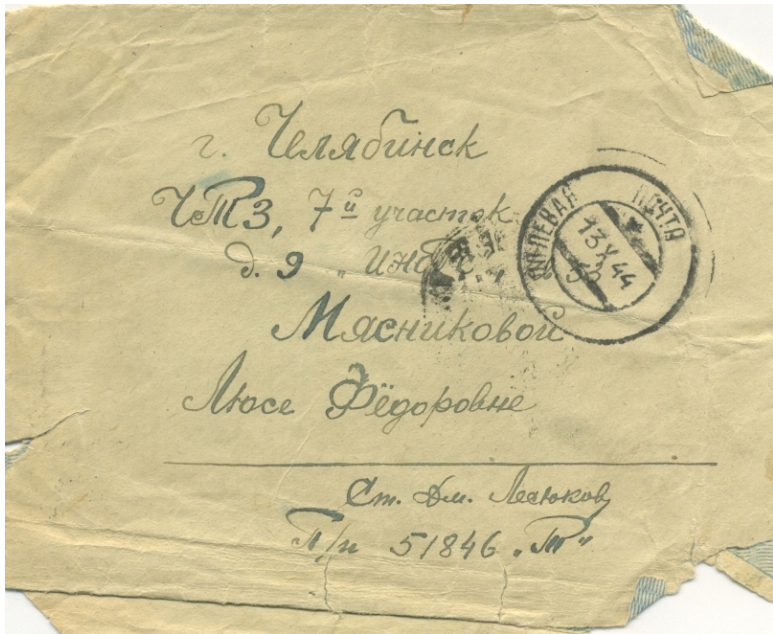
Миленькая, оставайся здоровая,
подру и веди нашей дружбе.

Много-много раз целую

Отца

HB-7538/46

9 октября 1944 года
Фронт

Дорогая Люся!

Всё это время я часто пишу тебе, почти каждый день. Все вопросы разрешены. Остался вопрос о моих планах жизни после войны, который ты ставишь в последнем своём письме. Этот вопрос довольно большой и настолько серьёзный, что

подробно теперь трудно все предусмотреть и ответить.

Людмила, я об этом как то немного уже писал тебе недавно. При решении этого вопроса большую его часть мы должны обсудить и решить совместно с тобой, моя женушка. Верю, что война еще продлится не больше года. К тому времени ты закончишь учебу и должна будешь приступить к работе по специальности. Я не знаю, в распоряжении наркомздрава республики или Союза находится ваша школа. Если союза, то ты конечно можешь требовать направление на работу в любой город страны. Обдумав всё, считаю, что Одесса – наиболее приемлемое место, где мы можем начать нашу совместную жизнь и получить работу. И климат, и экономическая сторона, и масштабы города (=возможности обоим получить работу по специальности) в Одессе наиболее благоприятны. Рассчитываю, что я из армии смогу получить право жить и работать в любом месте страны. Но тебе в этом отношении будет труднее, так как тебя могут запрятать куда-либо в Сибирь или ещё похуже после выпускных экзаменов. Поэтому заранее имей в виду Одессу и при выборе места работы просись туда, а мотивируй это любыми аргументами перед начальством. Когда будет подходить время вашего назначения, я попробую тоже вмешаться в этот вопрос, если будет нужным. Это то, в чем я связан тобою при решении вопроса, чем заняться после войны.

Разоренная войною наша страна после войны в первые годы будет испытывать много трудностей материальных. Но

мы с тобою уже договорились, что одной из сторон счастливой жизни и крепкой любви является отсутствие нужды. Поэтому на первых порах мы оба вынуждены будем работать. Я думаю, что без работы тебе самой будет скучно сидеть дома, и потому ты сама не согласишься быть всю жизнь только домохозяйкой.

Лично я рассчитываю поступить так. Окончится война – получить отпуск и приехать к тебе на свадьбу и будем устраиваться с работой. Одновременно надо будет помочь моей матери – старушке определиться куда-нибудь на первое время: либо к одной из моих сестер, либо на месте её теперешнего места жительства. Это при условии, если сразу из армии не удастся уволиться. Конечно, в этом случае ты поедешь со мной туда, где я буду служить.

Если же не удастся сразу демобилизоваться, то вопрос немного изменится. Я, конечно, уйду либо на партийно-советскую работу, либо (а это, скорее всего, так и будет) по специальности преподавать в техникум или же институт (учительский). Буду смотреть, где и что предложит Наркомпрос. Хочется в Одессу. Там, кстати, я разыскал уже тётю свою (сестра мамы) и переписываюсь с ними. Если дела будут в Москве или Ленинграде лучше обстоять, то может быть там обоснуемся. Но определеннее рассчитывать на Одессу по вашим изложенным мотивам. Устроюсь с работой, тогда буду перевозить к себе и мать-старушку. Одновременно и ты переедешь ко мне, если будешь к тому времени в другом месте.

А может быть по времени все устроимся и так, что одновременно мы оба сможем устраиваться на работу. Это еще лучше будет: сразу поедем в намеченный город после свадьбы.

Таким образом, Люся, ты видишь, что я в армии не намерен оставаться никак. Если же не удастся сразу демобилизоваться, то прослужу максимум год и потом при первой же возможности перейду на гражданскую работу. Таков мой план на послевоенное.

Но мой план должен быть согласован с твоим. А потому я жду от тебя сообщения о твоих решениях и советах, как нам лучше поступить в данном вопросе. В Челябинске и в иных подобных городах я ни за что не останусь жить, конечно. Очень бедная жизнь там у вас, скучная и плохой климат. Да ты и сама не захочешь там оставаться.

Нового пока у меня больше нет ничего. Вот список песен, которые я записал в бессонные ночи:

1. Гимн Советского Союза
- 2,3 и 4. Песни о Сталине
5. Москва
6. Любимый город
7. Лейся песня на просторе
8. Синий платочек
9. Иду по знакомой дорожке
10. В путь-дорожку дальнюю
11. Партизан
12. Священная война

13. То не ветер по полю гуляет
14. Три танкиста
15. Я на подвиг тебя провожала
16. Мать надела черную косынку
17. Проводы («Дан приказ ему на запад»)
18. Марш 12 гв. Орд. Ленина Красноз. Арт. полка
19. Наш пост (Любимая песня Ярчука)
20. Где мой дом, моя родная хата...
21. Темная ночь, только пули свистят по степи...
22. Костя
23. Лизавета
24. Молодая девушка немцу улыбнулась
25. Ниночка
26. Вечер на рейде
27. В чистом поле, в поле под ракитой
28. Анюта-медсестра
29. Землянка
30. Ехал товарищ Буденный
31. Артиллерийская
32. Чайка
33. Любушка («Понапрасну ходят к ней ребята»)
34. Ночь темна. Не видна в небе луна
35. Филкультурная
36. Краснознаменный наш флот
37. Эх, плащпалатка
38. Я-снайпер

39. Вася-Василек
40. Ой ты, конь мой быстроногий
41. Катюша
42. Каховка
43. Жди меня и я вернусь
44. Ах ты, Дон мой – тихий Дон
45. Дальняя дорожка
46. На сопках маньчжурии
47. Два друга
48. Раскинулось море широко
49. Ой вы, кони
50. Мы помним степные походы
51. Ну-ка, девушки
52. Ой по узкой дороге-дорожке
53. Не впервой нам, братцы...
54. Играет Низовка свинцовой волной
55. «Катюши»
56. Марш веселых ребят
57. Потому что у нас
58. Узор судьбы (цыг. романс)
59. В суде Ростовском окруженном
60. Шарова Леночка
61. Моряк
62. Ты меня не любишь
63. Я не тоскую, нет, не плачу
64. Волга («Много горя и страданья»)

65. Ночь в Махачкале
66. Златые горы
67. Бедная девица
68. Узник
69. Парус
70. Ночью в знойной Арг-не
71. Любовь
72. Васильки
73. Дочь рудокопа Джаней
74. Мечта
75. Вернись
76. Воронье вы кони мои
77. Тамара
78. Соколовский хор
79. Дружба
80. Фиалки
81. На рыбалке у реки
82. Вьется дымка золотая
83. Помнишь ли ты
84. Качели
85. Венская роща
86. Из-за лесу светится
87. Горная вершина
88. Много песен (...)
89. Еще Польша не згинела
90. Девушки-подруженьки

91. По дороге зимней горной
92. степь да степь кругом
93. В парке Чалер
94. Колодники
95. Замучен я (...) неволе
96. Ты умер. Ильич
97. Байкал
98. Провожанье
99. На реченьку
100. Коробейники
101. Челита. 102. Кукарача
103. Мурка
104. Среди шумного бала
105. Сердце красавицы
106. Весеннее танго
107. Ночной (...)
108. Соловей-соловушка
109. Рассыпается, разливается
110. У зари – у зареньки
111. Березонька
112. Мальчишечка
113. Куда, куда вы удалилисьб
114. Фонтан
115. Метелица
116. Всю да я вселенную объехал
117. Крутится, вертится шар голубой

118. Пожар московский
119. Ермак
120. Стенька Разин (и еще см. переп.)
121. Вечер черные брови насопил
122. Письмо матери
123. Снился казак, снился
124. Частушки
125. Ох ты, сердце
126. На закате ходит парень
127. Сосна
128. Славны звездочки ночные
129. Эх, Андрюша
130. Это все-таки пожалуй странно
131. Ты смотри
132. У меня такой характер
133. Песня машиниста
134. Дубинушка
135. Партизанская
136. Встречная
137. Маруся отравилась
138. Вот шел по улице
139. Там вдали за рекой
140. Смоленское
141. Ах зачем эта ночь
142. Гаснут звезды Альпухара
143. Сперидонья

144. В том краю, где желтая крапива
145. Головушка моя
146. Снежинки
147. По бережку
148. Луной озарены зеркальные воды
149. Капитан
150. Калинушка
151. Спят Курганы темные
152. Здравствуй (...)
153. По Дону гуляет
154. Мой костер
155. Последний денечек
156. Бывали дни веселые
157. Тройка удалая
158. Вы не вейтесь ручьи Кудри
159. Распрягайте, хлопцы, кони
160. Хмель
161. Вербa
162. Днепр
163. Виват (...)
164. Галю
165. Колокольчик
166. Бродяга
167. Я петроградского рожденья
168. Грицю
- 169 – 173. Пять польских песен 174. Цветочница Анюта

175. Огонек

Люся! Устал и хочется спать. Как видишь, песен много. Но голос очень ослаб и огрубел в бою. Когда я записывал эти песни, я был еще у орудий старшим на батарее и имел возможность петь. А здесь уже нет возможности: сижу, а пули визжат и цокают в стены дома. Содрогаются все вокруг от песен от разрывов. Теперь не до песен. То время прошло. Споем после войны, когда встретимся.

Ну что еще тебе сказать, а? Хочется к твоей прижаться, хочется обнять, поцеловать. Хочется навек с тобой остаться. Хочется мне плакать и рыдать... То есть не рыдать, а похныкать (...). Конечно, чтобы ты только не видела, а то скажешь: «Ну и (...)...».

Письмо от 11 октября 1944 года

11 октября 1941.

57

Дорогая Люська!

Уже 3 часа ночи. В это время (предположительно!) ты спишь крепким сном и если бы я позвонил к тебе, то ты бы едва-ли проснулась... Но эти минуты, и за себя и за меня. Мне пока не до этого. Наблюдать огромные Вепешки французских батарей, измерять, выискивать, считать, доискиваться, отыскать приказаний. Это великого дела, а когда — когда бывает замечать. Может быть, узнав это, ты после войны будешь более симпатичней к моему делу и не обидишься, если много будет нужно меня разбудить.

Время есть свободное и я пишу тебе почти каждый день. Может быть и писем тебе мои не было. Во всяком случае ты отвечаешь по тайной почте в Москву... Хочу немного просить извинений за мое отсутствие не всегда тактичное и грамотное изложение своих мыслей в предыдущих письмах. Знаю, что ты весьма требовательнейшей человек к себе и другим. Но для меня ты во всем добротна. Делаю извинения прежде всего за отсталость и грубость, навеянные войной. Испитесь и наводите локоть буду после войны. А теперь, если хочешь, чтобы меня и такого, каков я есть. Думаю, что эта моя скромная и безответная просьба прикинет к твоему сердцу и найдет там хоть маленько сочувствия. Вот я пишу, делаю кое-что не по бумаге, а тут же по великим садам карманом берет муха (в камуфляже темном и мухи еще живы). Понимаю, вдруг останавливается, хлопотит глазами "служилыми" глазами на богатый камушек кара, покажет малость картин на буквах, пошатнет свои передние лапки, упрет заднюю о них и опять мушка и бездельно кружится передо мной, нацеливаясь в меня или на нос. Муха знает, что я ее не обиду так как моя жизнь здесь важна мухе... Но мура! Больше не пишу. Шепко бы хоть ты, а все, пошлая моя немножечко! А такой по характеру человек, что сочувствие или порицание твое для меня всегда являются самым важным действительным. Уверен что и в будущем камушек се-

какой жизни поэтому не прибегай в известных случаях
к другим видам воздействия на детей, вместо чем банальное
хочения у женщины, а именно: кашега, утроб, ма-
лоток, носико, корешки, ухват, таз и другое звякое
и неудобное возмущение. Сидятки и шипитки пово-
райт и поному отрицательно взаимодейств, умягчат
допотопная воспитательны. Вот почему переделке
кто давно отказались от физических наказаниях
самоподатках. Даже ружья и те на днях прижали
детей об этике физических наказаний в семье. Но
ружью едят макароны и кукурузу в котлы так-
можно они постигли и урегулировали эту идею гни-
визма. Известно что ружь в этих детрах и наши пред-
светные уроки, преподаваемые скрупулозно. Школы ит-
серадцы могут быть успешно воздействовать сидятков,
шешет и "дуб", так как они на столько известны
ружью, что по своему складу мозг их неспособен
урагушить добрых слов. И мы вынуждены их "нежно
развешивать" или все же вешать им сидятки и шипитки
тупит и охотити оруженем. Это - кусочек педаго-
гики, без которой была бы направлена организация
наших друзей отомщения.

Школа моя, всеобщая, дружок мой! Пока
я писал все это, у вас там уже утро и ты, ведро-
зимо, уже проснулася. Знаю: у вас сейчас погода такая
тепленькая, за окном ветер и рыбокоты и тебе не хочется
(ох, как не хочется!) расстаться с теплой кофточкой.
Но, вставай, вставай, вставай! Вставай и иди ко мне,
тогда мы займем оборону от мамы, которую теперь
тебе будет по утрам. Тогда мы добьемся независи-
мости и самостоятельности от родителей и
будем поступать так, как нам вздумается.
А пока ты сидишь и поному до вечера сидишь
на по утрам. Но хочется знать, каков у тебя
тепленький дружок, если запомнишь твой рабочий и
входной день? До сих пор ты только укладывала
в кровать, что много ароматное рабочее, всякой
и поному тебе никогда не хочется вставать мне,
ни считать, ни ходить в кино, театр или
к подружке "от нечего делать". Но что это за

раба, там, там у тебя. Вспомни своим Давидом,
как будешь ~~мужиком~~ музыкантом, вспоминайся и в эту пору
твоего бытия. Конечно, трудиться надо. Работа
облагораживает, развивает человека и является им -
музыкантом от всевозможных музиков. Но всё хо-
рошо в меру. А потому запрещают: 1) чрезмерно много
работать, 2) чрезмерно много спать, 3) чрезмерно много
думать и 4) чрезмерно много забывать о маме, что
и в тога это случается. Одновременно эти требо-
вания выполняются в себя и принцип "чрезмерно мало"
за маму делаем музика и, для каждого маме -
если забудешь маму чрезмерно долго Давидом от-
сутствием и разлукой с тобой, мой голубок. Приз-
наешь, а уже стал чуть-чуть представлять твой
образ, какой ты теперь есть. Конечно, ты совсем еще
молода и маму будешь растить, развиваешь и
учебываешь. Непредельно маминство переводит в
качество. Мамы ты уже не та, какой была тогда.
В дни нашего короткого золотого "вспомни". А
когда я вернусь, ты и совсем тебя не узнаешь будешь.
Но что ты будешь с мамой до дня нашей встречи,
а я хочу встретить тебя здоровой, веселой,
бодрой, веселой, позитивной и горько-сладкой
мамой. К маме вранье я буду всегда старикашка
вспоминаю изначальную войну. Но все-таки одно
у меня не изменит: я вернусь к тебе с мамой
горячим сердцем друга и с любовью, закаменным
судомым непотребным оружием и бескаменным
встретим лицом к лицу с смертью. Мама тогда
наименее во всей политике, что меня обогрела лишь
твоей любовью да любовью моей мамы - казавшей
дорогой мамой. Это, конечно, если будет так.
А быть может тебя узнает какая мама и
ты за остаток времени нашей разлуки пере-
матривать всё * Начала. Переиспытывай и вдова-
нливает в пользу другого или все свесает так
моя, но поставив в известность меня. Всё
возможно. Знаешь ты дама возмание на на-
шу дружбу в таком случае неужели... Но, Анон,
это сомнение закономерное и ты не забывай

11.10.1944 г

Дорогая Люсенька!

Уже 3 часа ночи. В это время (представляю!) ты спишь крепким сном. И если бы я позвонил к вам, то ты бы едва ли проснулась... Но спи, милая, и за себя и за меня. Мне пока не до этого. Наблюдаю огромные вспышки фрицевских батарей, измеряю, вычисляю, черчу, докладываю, отдаю приказания. Сплю немного днем, а ночью – когда бывает затишье. Может быть, узнав это, ты после войны будешь более снисходительной к моему сну и не обидишься, если иногда будет трудно меня разбудить.

Время есть свободное, и я пишу тебе почти каждый день. Может быть, и надоели тебе мои письма. Во всяком случае ты отвечаешь по чайной ложке в месяц... Хочу немного просить извинений за, может быть, не всегда тактичное и грамотное изложение своих мыслей в предыдущих письмах. Знаю, что ты весьма требовательный человек к себе и другим. Но для меня ты во всем должна делать известную скидку на мою отсталость и грубость, навеянные войной. Чиститься и наводить лоск буду после войны. А теперь, если хочешь, люби меня и такого, каков я есть. Думаю, что эта моя скромная и безответная просьба проникнет к моему сердцу и найдет там хоть немного сочувствия. Вот я пишу, бегают

кончик пера по бумаге, а тут же по свежим следам чернил ползает муха (в комнате тепло, и мухи еще живы). Ползает, вдруг останавливается, смотрит своими "мушиными" глазами на бегающий кончик пера, полакает малость чернил на буквах, поострит свои передние ножки, утрет хоботок о них и опять мирно и беспечно кружит передо мной, нацеливаясь сесть мне на нос. Муха знает, что я ее не обижу, так как моя жизнь здесь подобна мухе... Но чур! Больше не жалуюсь. Только бы хоть ты, Люся, пожалела меня немножечко! Я такой по характеру нежный, что сочувствие или порицание твое для меня всегда являются самым сильным воздействием. Учти это и в будущей нашей семейной жизни, поэтому не прибегай в известных случаях к другим видам воздействия на меня, имеющим большое хождение у женщин, а именно: кочерга, утюг, молоток, полено, коромысло, хват, таз и другое звонкое и глухо бьющее вооружение. Синяки и шишки позорят и потому отрицательно воспитывают, угнетая достоинства воспитуемых. Вот почему передовые люди давно отказались от физических наказаний себе подобных. Даже румыны, и те на днях приняли закон об отмене физических наказаний в армии. Но румыны едят мамалыгу и кукурузу, и потому так поздно они постигли и уразумели эту идею гуманизма. Известную роль в этом сыграли и наши предметные уроки, преподанные скрипачам. Только гитлеровцы могут быть смиренны воздействиями синяков, шишек и "дуль", так как они настолько "высшая риска", что по своему складу

мозг их не способен уразуметь добрых слов. И мы вынуждены их "немножко расстреливать" или же вешать им синяки и шишки тупым и острым оружием. Это – кусочек педагогики, без которой была бы неправильна организация наших дружеских отношений.

Милая моя, ненаглядная, дружок мой! Пока я писал все это, у вас там уже утро, и ты, вероятно, уже проснулась. Знаю: у вас гадкая погода там теперь, за окном ветер и слякоть, и тебе не хочется (ох, как не хочется) расстаться с теплой постелью. Но, Люся, вставай, вставай! Вот я приду к тебе, тогда мы займем оборону от мамы, которая теперь тебя будит по утрам. Тогда мы добьемся независимости и самостоятельности от родителей, будем поступать так, как нам вздумается. А пока ты одинокая и поэтому должна подчиняться более сильной маме и вставать своевременно по утрам. Но хочется знать, каков у тебя режим суток, чем заполнен твой рабочий и выходной день? До сих пор ты только указывала в письмах, что много скопилось работы всякой и потому тебе некогда ни чаще писать мне, ни читать, ни ходить в кино, театр или же к подругам "от нечего делать". Но что это за работы там такие у тебя. Считаю своим долгом, как будущий муж твой, вмешаться и в эту череду бытия. Конечно, трудиться надобно. Работа облагораживает, развивает человека и является иммунитетом от всевозможных пороков. Но все хорошо в меру. А посему запрещаю: 1) чрезмерно много работать, 2) чрезмерно много спать, 3) чрезмерно

много гулять и 4) чрезмерно много забываться о том, что и я пока что существую. Одновременно эти требования включают в себя и принцип "чрезмерно мало", за исключением пункта 4, для которого исключение заслужено мною чрезмерно уже долгим отсутствием и разлукой с тобой, моя голубка. Признаюсь, я уже стал смутно представлять твой образ, какая ты теперь есть. Конечно, ты еще совсем молода и потому бурно растешь, развиваешься и изменяешься. Непрерывно количество переходит в качество. Теперь ты уже не та, какой была тогда в дни нашего короткого золотого "вместе". А пока я вернусь, то и совсем тебя не узнать будет. Но что ни будет с тобой ко дню нашей встречи, а я хочу встретить тебя здоровой, цветущей, бодрой, веселой, жизнерадостной и горячо любящей меня. К тому времени я буду "совсем старикашка", без времени изношенный войной. Но все-таки одно у меня не иссякнет: я вернусь к тебе с молодым горячим сердцем друга и с любовью, закаленной суровыми испытаниями фронта и бесконечных встреч лицом к лицу со смертью. Мы тогда поймем во всей полноте, что меня оберегала лишь твоя любовь да любовь моей матери – незабвенной дорогой мамы. Это, конечно, если будет так. А, быть может, тебя укусит какая муха и ты за остаток времени нашей разлуки пересмотришь все с начала. Пересмотришь и выскажешься в пользу другого или же сделаешь так молча, не поставив в известность меня. Все возможно. Значит ты дала согласие на нашу дружбу в таком случае незрелое... Но, Люся, это

сомнение закономерное, и ты не обижайся за это на меня. Я и сам не хочу, чтобы твои решения были мимолетными, детскими. И не допускаю малейшей веры, что мы теперь когда-либо разойдемся по разным дорогам. А само по себе посомневаться немножко бывает полезно. Но я ничего в душе и чувствах не таю от тебя. Что на уме, то и на языке. Ты ведь тоже не без этого сомненья, когда спрашиваешь в письме у меня: а не ошибся ли я, та ли девушка ты, которую я себе избрал подругой навсегда и т. п. И вполне умно предупреждаешь, что лучше теперь все обдумать и взвесить, пока не поздно, чтобы потом не испытывать разочарования. Декламацией возвышенной и патетической я не буду занимать тебя. Скажу только, что ты – та самая, которую жизнь мне поставила на моем трудном пути в качестве моей подруги. Милая Люся, все обдумано, все взвешено, все решено твердо и основательно с моей стороны. И свое решение я принес и положил у твоих ног, как самую драгоценную ношу. От тебя после этого зависело: ты возьмешься со мной дальше ее нести или же я должен был искать другую себе в качестве друга сердца, друга жизни, друга предстоящего пути до конца дней наших. Ты имела время взвесить и обдумать все выгоды и невыгоды дружбы со мной, прежде чем сказать свое "да" и подхватить мою ношу. И поскольку это "да" ты сказала и подтвердила еще неоднократно потом, то "с Америки достаточно вполне доброго слова Англии"...

Увы, Люся! Уже светает, да и бумага кончилась. Пойду

теперь я спать, а ты работай. Дыши чаще, друг мой! Неужели ты не чувствуешь потребности говорить со мной?

Привет всем твоим родным и Лиде с М. Д.

Обнимаю тебя, ангел мой, и нежно-нежно целую. Стива.

Письмо от 13 октября 1944 года

13 октября 1944.

52

"Но законную цену позабавит он по многу...
"Во те ты, милая девушка?" Где, родной огонек?

Июдишма!

У тебя может возникнуть впечатление, что я больше ничем не занимаюсь теперь, кроме писания писем тебе. Писать каждый день... Но это неправда, если ты захватила меня всего с головы до пят какой-то неоправданной привлекательной силой и я словно помещенный в одну и ту же комнату одной тобой! Это же дело, где не бываю, а ты всегда стоишь у меня перед глазами. Даже во сне. Порой это кажется даже опасным. Но будет время еще впереди, когда мне некогда будет думать о тебе, милая. Пока займемся и еще занимаемся делом, потому что я и спал в мир фантазий. А начнется буря у нас, тогда придется опять направиться все все молотки. Но предпринятая теперь, ты же будешь меня обвивать потом в молчании. Так, Юноша?

Точнее, кто от тебя кем и кем писем. И затем только я полюбил тебя такую молчаливую и холодною как лёд! Откуда ты взялась на мою голову, горе мое! Недавно хотел было совсем прекратить тебе писать вся твое безразличие к каждому минутам своей теперешней жизни. Но не могу, душа коет и я пишу слова и снова.

Персиш пока никаких нет, кроме тех, о чем я уже сообщал. Но скучно ты - купил я хорошие осенние теплые дни. Такая теплая, даже душная погода здесь, что благодать. Решил я руки ради делать прогулки к соседям. Если еще долго писем

От тебя не будет, то кого доброго увидит-
ся замышлять и к соседкам. Но виновата
в этом будешь только ты сама. Не могу
же я вечно жить тобой, если ты будешь
слоняться и слоняться, окаянная. Как слон-
ялась в тот памятный вечер, когда еще
были я тобой в цирке у Дурова, помнишь?
Ах, а этого ты тогда была такая сла-
скавая, а?

На этом кончат. Уже 3 часа ночи
и пока писал это, захотел спать.
Иди спать. Тем временем ты
возможно почувствуешь, что надо делать
и сделаешь все необходимое...

Целую тебя безумно раз-
горячо и дружелюбно

Отва

13 октября 1944 года

«Но знакомую улицу позабыть он не мог...

Где ж ты, милая девушка? Где, родной огонек?»

Людмила!

У тебя может создаться впечатление, что я больше ничем не занимаюсь теперь, кроме писания писем тебе. Пишу каждый день... Но что поделать, если ты захватила меня всего с головы до пят какой-то неотразимой притягательной силой и я словно помешанный живу и дышу одной тобой! Что ни делаю, где не бываю, а ты всегда стоишь у меня перед глазами. Даже во сне. Порой это кажется даже опасным. Но будет время ещё впереди, когда мне некогда будет думать о тебе, любимая. Пока затишье и лень заниматься делом, потому я и впал в мир фантазий. А начнется буря и у нас, тогда придется опять напрячься во все лопатки. Но предупрежденная теперь, ты не будешь меня обвинять потом в молчании. Так, Люся?

Томительно, что от тебя нет и нет писем. И зачем только я полюбил тебя такую молчаливую и холодную как лёд! Откуда ты взялась на мою голову, горе моё! Недавно хотел было совсем перестать тебе писать за твоё безразличие к каждым суткам моей теперешней жизни. Но не могу, душа ноет и я

пишу снова и снова.

Перемен пока никаких нет, кроме тех, о чем я уже сообщал. Тоскливо тянутся хмурые осенние теплые дни. Такая теплая, даже душная погода здесь, что благодать. Решил скуки ради делать прогулки к соседям. Если еще долго писем от тебя не будет, то чего доброго придется заглядывать и к соседкам. Но виновата в этом будешь только ты сама. Не могу же я вечно жить тобой, если ты будешь молчать и молчать, окаянная. Как молчала в тот памятный вечер, когда мы были с тобой в цирке у Дурова, помнишь? Люся, а отчего ты тогда была такая молчаливая, а?

На этом кончаю. Уже 3 часа ночи и пока писал это, захотел спать. Пойду, прилягу. Тем временем ты, возможно, почувствуешь, что надо делать и сделаешь всё необходимое...

Целую тебя бесконечно раз, горячо и дружески. Стива

Письмо от 18 октября 1944 года

18 Октября 1944г.

Здравствуй, Моська!

В последнее время мне часто и горько думают о тебе, что ты максимум себя отдавал здесь во все. Счастье видел как: ты приезжал сюда по фронту ко мне. Такая добротность и дружелюбие, в любой возможности и терпении ждало тебе помощи и в подвале многоотраслевого дома. Там уже находилось много гражданских населения, все извращенные, угнетенные в подвале от обкурков и бомболовек. Когда я, оставив тебя в подвале у Венеры Кошки, вышел по какому-то делу и снова возвращаясь в подвал, то у двери была большая давка, много народу. Все ступившись скорее, коснулся в подвале угнетенных. А потом протискиваясь пошел к двери, но видел, что уже слышал в подвале в подвале Кошки. Вечная радость там и видна, там их много, а я один, я мечта пришла в подвал. Ты делала неслыханные на меня, но я ждала, что это ты пришла. Потом ^{ты} забирала меня опять в подвал, но на Чепелев Домболовек. Все закусил, замесил и ты куда-то катилась. Я проснулся и дома обдумывал: кто бы это означало?

Твой капризный рожок математический - Моська! Это, читая это, ты почувствовала сказанное тут как нежность, как любовь. Ведь ты иронизировал на все слова свои медицинские знания. Там ты убаюкивая себя, ласково уверяла. Ты ждала, что кто-то придет, кто предостережет, кто предупредит и т.д., но никто не давал тебе, что безнадёжно было бы оставить тебя в безвыходное. А я утверждала, что человек может предугадывать много ватные ваточки. Со мной это было не так раз. И довольно часто тебе это предвидеть. Не хочу тебе сказать, что я знаю в домике идеализма, канонизма и готовилась, как! Эпикур, Декарт, Спиноза, Марко, Платон, великие философы для нас тем, что обаятели человечеству правду жизни. Но моя вера в них не исключает того, что человек может изобрести нечто, хотя Ленин в "Империализме и вытекающих из него предположениях" о том, что и человек может не только быть в курсе ошибок, если его не проверять но опыте многих людей. Субъективно субъективно но проверять как угодно субъективно субъективно. Вот и я хочу, чтобы ты высказалась на этот счет. Мне все же потому-то предостерегает отом как и человек" Душа. Дело в том, что предвидеть ко мне вообще не слышала и я не слышала, когда и что происходило раз мне амальгама. А тут вдруг как и даешь ты, Моська. Тебя я всегда вижу во мне, Моська. Обдумываешь и мечтаешь, как бы у тебя там чего не случилось. Я мечтаю быть это и к счастью?... Как пойдешь!..

По-чужаю

Да, Лося! Но! Все, кто предавал когда-либо студентам, потом
с непередаваемым глумлением вспоминает о золотой поре студен-
чества, как о самом страшном и ярком, ярком периоде. И все
положительно сходится на том, что годы студенчества — это великие
коллектив молодежи, товарищей и друзей, откровенно трудовой
и заботливый, это годы величайших успехов, работы,
запасов, встреч, встречаний и коллектив дружбы. И что
только не увлекает нас в безвестности студентами!... Но как
ничто в мире думается задумки-времем! Времени — это Бог, но все
обращает к все одолевает. И мир еще ничего не губитаввал
время, как действительности времени. Проспиритомлю все даюмывало
время, а вместе со временем все эти строки — великие и мно-
гие патриархи великой и ее истории. Но своих великих вехах
могутся время и тебя, Лося, пролетит через последний и вавор-
мизирующий труд труда и бросит тебя в мирную самостоятель-
ной жизни. Там тебя первая дорога обхватит великие манд
забот и от тех еще можно иногда не устроивши. И начнется...

И только тогда, в этих глумительных линиях ко всей силе, се-
тунью и горько поубавивши и поилеши, как много трау-
дено дорог — как много делано ошибок! Тогда станем
пандитом много: и оттого на лице марширу и сробужать
всехи... Но к этому еще прижмет тебя время, с пока бла-
женнейший последний твой беззаботный великий подокон! Не-
барагой сил, ума и своих думиелей и уреликов, вода и замали
солю к труду. Я вернул в 1945 году к тебе, дорогой, чтобы
на нашей свадьбе взять тебя за руки и кататься навсегда
тебе помощь в старости и трудном дашкемем пути
самостоятельной жизни. Милая Лося, поминать, что
то уже теперь все думиель и великий предубавились сво-
рой камен твоему студентству, а вместе в эти дни
ничего новой жизни. Но так далеко тебе трудно время
неуж вперед и ты действительно успокаиваешь себя «авошкой»:

Доминант — удивили, приоткрывши, привоинили как-нибудь...
Ничего, не пугайся! Насколько прекрасна, но к этому времени
будет много такого, что и согреет, как солнце, и бже-
кает, как мать. Больше того: студентская жизнь имеет
своей миссией мирной то что единично вперетитно
организован режисер и твоего брата. Все, что можно:
Ничего Вавилим, Корюев, Ситый Вавилим, Корюев
и т. д. и т. н. А вот потом ты будешь как-то ре-
налатишь по-инскому своим временем даже на Лосю.
Но все это дело будущего. Там хочется увидеть тебя! Это ты
краса: когда это великие раздвигаются...

Я уже написал в пять разговоров на Лосю
и все раднич. Если это мемуа, то вам & Лидия слабину.
Мне не мешало писать твоей публич как от твоих
ревети, но джурника еще не ответил, скоро отвает.
Вспомни, это великая одна из твоих фото с просвиль
высказываешь о тебе и савдима и твоем адрес.

5118-1328/49

18 октября 1944 года

Дословно

Здравствуй, Люсенька!

В последнее время так часто и много думаю о тебе, что ты начинаешь мне являться уже во сне. Сегодня видел сон: ты приехала сюда на фронт ко мне. Такая озабоченная и грустная, в белой косыночке и черном пальто. Мы поселились в подвале многоэтажного дома. Там уже находилось много гражданского населения, все незнакомые, укрывающиеся в подвале от обстрелов и бомбёжек. Когда я, оставив тебя в подвале у вещей наших, вышел по какому-то делу и снова возвращался в подвал, то у двери была большая давка, много народу. Все стремились скорее попасть в подвал – убежище. Я начал протискиваться тоже к двери, но один из трех стоявших незнакомых парней у стены вдруг молча ударил меня в живот ножом. Зажав рукой рану и видя, что их много, а я один, я молча прошёл в подвал. Ты смотрела непонимающе на меня, но я сказал, что это пустяки. Потом мы собирались лечь спать с тобой, но началась бомбежка. Все засуетились, заметались и ты куда-то исчезла. Я проснулся и долго обдумывал: что бы это означало?

Мой несгибаемый рыцарь материализма – Люся! Знаю, читая это, ты воспринимаешь сказанное тут как наивность, как глупость. Ведь ты смотришь на всё сквозь медицинские

стекла. Вот ты улыбаешься сейчас моему суеверию. Ты считаешь, что нет наития, нет предзнаменований, нет предчувствий и т.п., поскольку недавно писала, что безнадежно было бы обратиться к верующим. А я утверждаю, что человек может предчувствовать иногда важные события. Со мной это бывало даже не раз. И большею частью через сновидения. Не хочу сказать этим, что я впал в болото идеализма, поповщины и чертовщины, нет! Эпикур, Демокрит, Спиноза, Маркс, Пушкин, Ленин слишком дороги для нас тем, что объяснили человечеству правду жизни. Но моя вера в них не исключает того, что пришлось узнать из личного опыта, хотя Ленин в «Империализме и эмпирио-критицизме» предупреждает о том, что и личный опыт может быть в корне ошибочным, если его не проверить на опыте многими людьми. Субъективное обязательно проверять лакмусовой бумажкой объективного. Вот и я хочу, чтобы ты высказалась на этот счет. Меня все же почему-то тревожит этот сон и «скребет» душу. Дело в том, что сновидения ко мне вообще не являются, и я не помню, когда и что последний раз мне снилось. А тут вдруг сон и даже ты приснилась! Тебя я впервые вижу во сне, Люся. Догадываюсь и тревожусь, как бы у тебя там чего не случилось. А может быть это и к лучшему...? Аж пот прошиб!...

Но-уррааа! Только что принесли письмо от тебя, писанное в первый день занятий в институте 2.10.44. Вот и сон в руку, как у Грибоедова в «Горе от ума».

Да, Люся! Да! Все, кто пребывал когда-либо студентом,

потом с непередаваемым чувством вспоминает о «золотой поре студенчества», как о самом отрадном и ярком куске жизни. И все поголовно сходятся на том, что годы студенчества – это веселый коллектив молодежи, товарищей и друзей, отсутствие тревог и забот житейских, это годы волнующих фактов, событий, знакомств, встреч, мечтаний и полетов фантазии. И что только не увлекает нас в бытность студентом!.. Но нет ничего в мире сильнее дедушки – времени! Время – это бог, оно все объемлет и все одолевает. И мир еще ничего не чувствовал сильнее, чем действие времени. Пространство же дополняет время, а вместе со светом все они втроём – великие и могучие патриархи вселенной и её истории. На своих незримых крылах могучее время и тебя, Люся, пронесет через последний и завершающий курс учебы и бросит тебя в пучину самостоятельной жизни. Там тебя первым долгом схватят железные лапы забот и от них еще никто никогда не ускользал. И начнется...

И только тогда, в этих чудовищных лапах со всей силой, остротой и горечью почувствуешь и поймёшь «как мало пройдено дорог – как много сделано ошибок!». Тогда станет понятным многое: и отчего на лице морщины и серебрятся виски... Но к этому еще принесет тебя время, а пока блаженствуй последний свой беззаботный девичий годочек! Набирайся сил, ума у своих учителей и учебников, веры и закаляй волю к труду. Я вернусь в 1945 году к тебе, дорогая, чтобы на нашей свадьбе взять тебя за руки и остаться наве-

гда тебе помощью в опасном и трудном дальнейшем пути самостоятельной жизни. Милая Люся, понимаю, что ты уже теперь всё сильнее и сильнее предчувствуешь скорый конец твоему студенчеству, а вместе с этим и начало новой жизни. Но так далеко тебе трудно заглянуть вперед и ты естественно успокаиваешь себя «авоськой»: Доживём – увидим, приспособимся, привыкнем как-нибудь... Ничего, не пугайся! Юность прекрасна, но и потом по жизни будет много такого, что и согреет как солнце, и обласкает, как мать. Больше того: студенческая жизнь имеет своей теневой стороной то, что слишком стереотипно организован режим дня у вашего брата. Всё по часам: начало занятий, перерыв, опять занятия, перерыв, и т.д. и т.п. А вот потом ты будешь вольна располагать по иному своим временем даже на службе. Но всё это дело будущего. Так хочется увидеть тебя! Но ты права: когда это желание осуществится...

Я уже написал в часть розыск на Ярчука и его родным. Если что получу, то вам с Лидой сообщу. Маме моей написал твой привет как от моей невесты, но старушка еще не ответила, скоро ответит. Сестре Яне выслал одну из твоих фото с просьбой высказаться о тебе и сообщил ей твой адрес. У меня пока все благополучно. Много хотел бы выразить тебе, но тебя нет. Жму крепко руки твои и горячо целую – Стива.

Письмо от 21 октября 1944 года

21 Октября 1947.

(54)

Здравствуй Аноса!

Сегодня покружи твоемо ой 9.10.47. До ты мечтаешь
мне "милосердием смерти". Душаго, что буду изи всеи смерти
на зно. Вот уже тогда беруи свои руки, ох и стотсково и
тобля за такое пожелание! Ожидания ты, тихая-вечная,
равно такое многои мисии вода, где дель и ноги в ашоту
в вода смерти! Пожила, что ты не выслита отпирания е,
зали судьба предвд будет, ктою и в поид. А если слов не
выжила, хитя все суровоек вам не себе в высшей степени
благородия. Но, приравнов, уже само слово "смерть" како
отпалаивающе вбавивуи.

Но не будеш повторить об этом. Не мавик и не велик над-
хавить сурово истерическимисе. Дня тебе кельде ашоту
милосердия много, как физическое раздувание центури
Организма. А в ашоту, что первоначально ванила, но сд-
влевая на ашоту смерти, что тут сдвлевается казна
Универсальной магии, что всеи со радостями и горестями.
А пока мисия, авариисе не истерическ.

Аноса, в уже писали в вапроса о судьбе Володы, вы
ответа пока кель. Что о мисии — уже не пришлоу. Скажи,
куда сейчас переживаю и тревожиться за кого?

У мисии пока всеи благополучно. Небу твоем ред-
кими и ашотами мисии. Хотелся ажурее увидеш
тебя самого, прижмать к груди крепко-крепко, передурит-
передит твой Володы, мисии он конуток стий уже авариисе
мисии.

Но дель пишуи, что мисия оташо замисила:
авариисе на моих релю (у ней было всеи время расширения
всех — ашоту уже на мисии). Володы и не знаю, кем это
всеи окончится. Сказу мисии предвд мисии. Сказу
Кайя мисии кем-то ашотами. А такво мисии
— там встисе мисии, как сепера в мисии. В а-
шоту удручающе мисии. Мисии Ашоту — ашоту мисии
мисии пишуи, что парамитовика ашоту рука в ашоту удру-
аши и ашоту на мисии. Как видеш, дорогой мисии, я мисии
релю не мисии мисии парамитовика ашоту. Бывает, что ты
перестанеш мисии мисии такого ашоту. Но Кайя
и мисии, ашоту, я мисии этой парамитовика, ашоту.
В ашоту мисии ашоту ашоту ашоту ашоту ашоту.
В ашоту мисии и мисии в ашоту, как мисии мисии
доши ашоту ашоту ашоту ашоту ашоту.

Учитывая в "Правде", что скоро выкупаются на свободу все
козари и американский. Правда в России. Покинувшись,
то рассказали и мне об этом гримасе. Я уже о нем
не видел кино и только однажды Антиско. Пока собла-
затель и мой друг Давидович, то можно свободные будешь.
А потом будет время, если продолжат записки, продолжат
Сем-миллион займется. Ну хать налью миску этики,
это - и нечего делать.

Представьте себя на вечеринке в студенческом
кружке. Судьи и товарищи все тут в модные башки на
двух и в американских о прошлом. Они мне не гово-
рять как-нибудь с тобой, так как у нас значитель-
ная разница в годах. Он доказывает, что ты не молодежь
но сможешь быть серьезней в своих убеждениях как
яма. А я ему доказываю обратное, так как сейчас
статье можно быть прощальными при развитии нового воз-
можности между школой и молодежью и тогда тут не
при Сем. А товарищ говорит, что у нас с тобой будут
разные интересы к жизни, разные взгляды и амбиции и
потому могут быть между. Я возражаю, считая, что
это надменно, что у людей разные взгляды и подход к
вещам, разные взгляды и понятия, это лишь понятие
возрастной разницы и привычек и поучиваниям кто
се просит. А во взглядах, интересах и амбициях мы
любим общаться, узнавая их друг у друга, более по сути
но дружелюбно и не к себе бы только по
своему характеру они поразили. И так старимся
старимся товарищам лег и закурю, а я все миску пью.

Сколько ты считаешь об этом, Аня?

Конечно. Всегда старайся, доброты духа и
всего наилучшего!

Пускай всем вашим и сл. с м. д.
Милу, подруга моя, и обнимаю
как дорогую и так же мне
Твой Седяков

Передай Вашим, Аня по поводу
кошки - миленько.

Аня

ГИБ-7338/50
10
У

21 октября 1944 года
Здравствуй, Люсенька!

Сегодня получил письмо от 9.10.с.г., где ты желаешь мне «мгновенной смерти». Думаю, что буду цел всем мертвым на зло. Вот уж тогда береги свои ушки, ох и оттаскаю я тебя за такие пожелания! Окаянная ты, такая – сякая, разве такое можно писать сюда, где день и ночь я смотрю в глаза смерти! Понимаю, что ты не властна отстранить её, если судьбе угодно будет, чтобы и я погиб. С песни слов не выкинешь, хотя сей отрывочек сам по себе в высшей степени благородный. Но, признаюсь, уже само слово «смерть, как-то отталкивающее действует.

Но не будем говорить об этом. Ты медик и ко всему подходишь сугубо материалистически. Для тебя нельзя смерть понимать иначе, как физическое разрушение центров организма. А я считаю, что первостепенной важностью является та сторона смерти, что тут обрывается жизнь человеческой личности со всеми её радостями и горестями. А тело меня совершенно не интересует.

Люся, я уже послал 2 запроса о судьбе Володи, но ответа пока нет. Что с ним – ума не приложу. Скажи, Лида сильно переживает и тревожится за него?

У меня пока все благополучно. Живу твоими редкими и скупыми письмами. Хочется скорее увидеть тебя самою, прижать к груди крепко – крепко, перебирать – теревить

твои волосы, локон от которых стал уже совсем маленький.

Из дому пишут, что мама опасно занемогла: открылись на ногах раны (у ней все время расширение вен – синие узлы на ногах). Волнуюсь и не знаю, чем это все окончится. Сестра Катя мучится чем-то внутренним. И только меньшая – Таня вертится там одна, как сестра в палате. В общем, удручающие известия. Муж Ани – гвардии полковник тоже пишет, что парализована левая рука и видимо уедут они с фронта на лечение. Как видишь, дорогая моя, я ничем не могу порадовать тебя сегодня. Боюсь, что ты перестанешь любить меня такого скучного. Но хоть с тобою, Люся, я поделился этой горестью своей, и то легче на душе. А здесь ничего существенного, затишье. Возможно, скоро грянет буря и больше будет новостей. А пока сижу и наблюдаю в трубу, как немцы лихорадочно укрепляют левый берег Вислы и дома.

Читал в «Правде», что скоро выпускается на экраны кинофильм американский «Песня о России». Посмотришь, то Расскажи и мне об этом фильме. Я уже с июня не видел кино и живу одичалой жизнью. Пока осваиваюсь с новой должностью, то мало свободного времени. А потом будет время, если [...], придётся чем-нибудь заняться. Ну хоть начну писать стихи, что ли, от нечего делать.

Представляю тебя на занятиях в студенческой среде. Сидим с товарищем вот тут в подвале дома на диванах и вспоминаем о прошлом. Он мне не советует жениться с тобой, так как у нас значительная разница в годах. Он доказыва-

ет, что ты по молодости не сможешь быть серьезной в своих обязанностях как жена. А я ему доказываю обратное, так как семейное счастье не может быть прочным при условии полного взаимопонимания между женой и мужем и годы тут не причем. А товарищ говорит, что у нас с тобой будут разные интересы к жизни, разные вкусы и стремления и потому могут быть нелады. Я возражаю, считая, что это нормально, что у людей разные вкусы и подход к вещам, разные взгляды и понятия, это лишь поможет всесторонне познать жизнь и почувствовать всю её прелесть. А во вкусах, интересах и понятиях мы сможем сойтись, уважая их друг у друга, было бы лишь не злоупотребление ими и не были бы только по своему характеру они пороками. И так спорили-спорили и товарищ лег и заснул, а я сел писать тебе. Что ты скажешь об этом, Люся?

Кончаю. Желаю здоровья, бодрости духа и всего наилучшего! Привет всем вашим и Л. с М.Д.

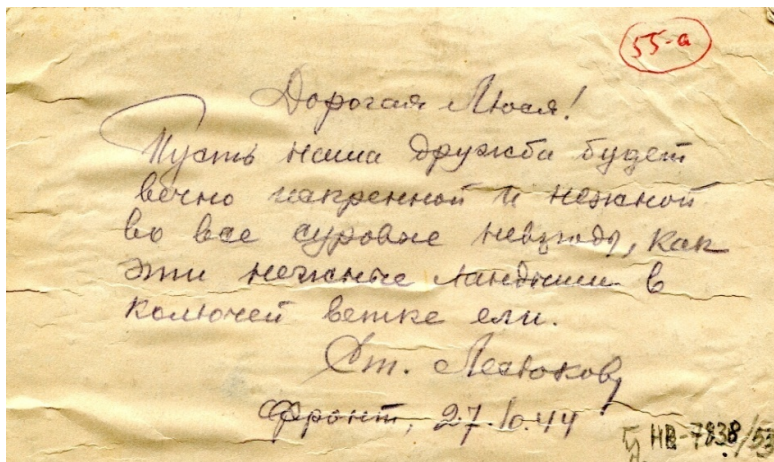
Целую, подруга моя, и обнимаю как дорогую любовь и счастье мой. Твой С. Лесюков.

Передай записочку Але по поводу кошки-тигрёнка. Стёпа.

Открытка от 27 октября 1944 года

Wesolych Sviat

Фронт, 27.10.44

Дорогая Люся!

Пусть наша дружба будет вечно искренней и нежной во все суровые невзгоды, как эти нежные ландыши в колючей ветке ели.

Ст. Лесюков

Письмо от 27 октября 1944 года

27 Октября 1944,

(55)

Дорогая моя Лена, вразуми!

Спасибо сразу на 2 письма, потому что просто некогда было отделить отделить на каждое. За последние 2 дня было и еще проделано наше переписывание ввиду записки. Если идут письма и приходящей тем-пено все дни эти и так. Пись, подруга, не обидишься на меня за это.

О поэтах. Когда-то на заре туманной юности всей душой любил я милую поэзию, хотя и теперь это чувство не остыло. Но в не благоприятное время у меня был двоюродный брат Вася Кертков — начинающий писатель. С ним и друзьями так же крепко и вдохновенно как никогда писал я свой поэт и прозаический. Поэт и прозаический в первых робких и дерзких шагах в литературную жизнь. Мы были безумными поэтами. Мы до обморока зачитывали книжки страстно обдумывали все, куда вносили критику нашей юной фантазии. Такое все повторяется в жизни, Лена! И вот с тобой нежного приобщил к журнальщику. Я писал тогда 3 в детские пур-налы и газету и прозу и стихи. На Белорусском языке. А потом судьба унесла меня в Ленинград, а Вася уехал в Минск. Дороги наши разошлись и мы вторгались один от другого, находясь в различных усло-виях, во власти больших и малых со-бот и работ, а также с разными в разных городах и с разной работой. А забросил поэзию и литературу и боль-ше к ней не возвращался, так как было

Сказано, что мои дарованные идеи принадлежат
двум примерам и по твоей просьбе я так мог
что-нибудь вспомнить авторское и вообще,
но ты не знаешь белорусского языка. И по-
тому не можешь подлинного имени мо-
его в этом деле. Я перевожу труднее.
Ну это ты, Агоя, губаешь, например,
из такого:

— У сакавога бара,
У бярозавога ікса
На літнявай зары
Сустракаў я Агоя.

О як чыстай, светым
Богу мне стан дай здоваго,
Як над дубам шатам
Кашаваў яе вота!...

Одним словом —
розовая ромашника, как видишь.

О любви. Я не могу никак намеренно
придираться к тебе. А то, что ты приваси-
но сбила на вопрос о деизации любви,
к этому прибавить что-либо трудно. Я мож-
но кепко хотел высказать свое понима-
ние о биологической и эволюционной сущности
любви у людей. Условно, деизация любви
конечно в конечном счете имеет первоосно-
вой материальной фактор. Нельзя гашить
того или иного желания, так как
у животного кровь не может быть деиза-
цией. Силою можно гасить гашить, если
человеку хочется есть. Здесь как бы
могут быть лишь выходящиеся отдельные
мысли, т.е. фразы или определенные идеи.
С другой стороны человек не только са-
ринт. Человек — это мир всего численности,
развивающихся гашей и потребности духов-
ных. У враждующих гашей не любви, а
мука.

О чем еще написать тебе, моя дорогая?
Вот в этой машине прохитой разразил немцы-
кие снарядов за стеной. Возмущают аэленки
и авиабомбы в Куртис Стенер. А в падении
и таарити обезопасил. Но не всегда судились
а больше боялись над окрестности небом. Ко-
манды по пелены, роукам, стородам, посылкам
и на камушки магу, тун и там с завывани-
ем и грохотом взматотай герман, рогаме
этимас Куста разрывов. Носилимья война
— преимущественно война артиллерии.
И какой снаряд для меня уготован и де-
— кто знает. Вот нуру каав у загора я
видел позитивного салата с разорвакной ногой.
А за забором — целая матегация судна
астра. И как восторжесе было видеть ханд-
нуть маготу и эржасть этик позитив
обелиши Цезарь! Белые-белые, розовые, бурдо-
вые, красные, коричневые, ~~и т.д.~~
астра напоминили мне тонкие слова
известного русского поэта — белоглизиранца
Ивана Букина: " Не пыльная сафрак
Печаль хрустальной цвела".
Правда, замечательно сказано! Ведь сафрак
неизменно украматот всегда права во
всех покоронных процессах! Астра...
Я хочу жить и на это амерги целой
сроккой бурей из астра пожабили в
Кубисин на стене. Как на одной от-
— кратке, посланной тебе.

Хорошо, Студинина: 7 ноября ровно
в 22 ч. вечера по московскому я буду
знать, кто ты действительно до дна за меня,
за нашу любовь и дружбу. Можешь быть
и в аэроу вотить в этот час (ведь в это
армии советских праздников не празднуют).

Новостей особенных здесь нет никакой.
У меня так же пока всё благополучно.
А как дальше будет — одному богу
и судьбе.

А как ты, Моея, узнала то,
что когда-то я имел приглашение
к Эмигрантерству? Мне кажется,
что каждый человек в деревне про-
тиван социаль, это турманское
свисте. Его у детей какою
популярно.

О судьбе Волки я пока ничего
на свой вопрос не получил.

Дружески привет родителям
и тебе с М. Д.

Будь здорова, детки
Меню — все твой Друва

15105
4В-7338/57

27 октября 1944

Дорогая моя Люся, Здравствуй!

Отвечаю сразу на 2 письма, потому что просто некогда было отдельно ответить на каждое. За последние 8 дней было и еще продолжается наше передвижение вслед за немцами. Бои идут тяжелые и приходится тяжело все дни эти и ночи. Ты, подруга не обидишься на меня за это.

О поэтах. Когда-то на заре туманной юности всей душой любил я милую поэзию, хотя и теперь это чувство не остыло. Но в те блаженные времена у меня был двоюродный брат Ваня Пертков – начинающий писатель. С ним мы дружили так искренне и вдохновенно, как никогда не смогу ни с кем дружить. То были годы первых робких и дерзких шагов в сознательную жизнь. Мы были безусыми юнцами. Мы до обморока зачитывались книгами и страстно обсуждали все, куда заносили крылья нашей юной фантазии. Такое не повторится в жизни, Люся! И вот он меня немного приловчил к журналистике. Я писал года 3 в детские журналы и газеты и в прозе и стихи. На белорусском языке. А потом судьба унесла меня в Ленинград, а Ваня уехал в Минск. Дороги наши разошлись, и мы оторвались один от другого, находясь в различных условиях, во власти больших и малых событий и забот, связанных с жизнью в разных городах и с разной работой. Я забросил поэзию и литературу и больше к ней не возвращался, так как было ясно, что мои дарования здесь ничтожны.

Для примера и по твоей просьбе бы мог что-нибудь вспомнить авторское и сообщить, но ты не знаешь белорусского языка. И поэтому не поймешь подлинного умения моего в этом деле. А переводить трудно. Ну что ты, Люся, чувствуешь, например, из такого:

"У сасновым бора,
У бярозавым лесе.
На линневая заре
Сустрасаю я Алесю
О як чистым, святым
Быу мне стан той завочы,
Як над дубам густым

Цалавау яе вочы!.." Одним словом – розовая романтика, как видишь.

О любви. Я не имел никогда намерения придирааться к тебе. А то, что ты правильно ответила на вопрос о долголетию любви, к этому прибавить что-либо трудно. Я только немного хотел высказать свое понимание любви у людей. Условия долголетия любви конечно к конечному счету имеют первоосновой материальный характер. Нельзя голодному долго пылать нежной страстью, так как у голодного кровь не может быть долго горячей. Самое могучее чувство гаснет, если человеку хочется есть. Здесь исключением могут быть лишь выдающиеся отдельные люди, т. е. фанатики определенных идей. С другой стороны человек не только сибарит. Человек – это мир вечно изменяющихся, развивающихся чувств и по-

требностей духовных. У враждующих супругов не любовь, а мука.

О чем еще написать тебе, моя дорогая? Вот в этот момент грохают разрывы немецких снарядов за стеной. Я в подвале и частично обезопасен. Но не всегда сидишь, а больше бываешь над открытым небом. Колесишь по полям, рощам, огородам, поселкам и на каждом шагу тут и там с завыванием и грохотом взлетают черные, рыжие дымные кусты разрывов. Нынешняя война преимущественно война артиллерии. И какой снаряд для меня уготован и где – кто знает. Вот пару часов у забора я видел пожилого солдата с разорванной ногой. А за забором – целая плантация чудных чудных астр. И как волнующе было видеть холодную чистоту и яркость этих поздних осенних цветов! Белые-белые, розовые, бордовые, красные, коричневые, светлые кусты астры напомнили мне тонкие слова известного русского поэта Ивана Бунина:

"На пышных астрах

Печаль хрустальная цвела"

Правда, замечательно сказано! Ведь астры неизменно украшают всегда гробы во всех похоронных процессиях. Астра... Я хочу жить и назло смерти целый огромный букет из астры поставил в кувшин на столе. Как на одной открытке, посланной тебе. Хорошо, Людмила: 7 ноября ровно в 22 ч. вечера по московскому я буду знать, что ты выпьешь до дна за меня, за нашу любовь и дружбу. Может быть и я смогу выпить а этот час (ведь в этой армии советских праздни-

ков не признают). Новостей особенных здесь нет никаких. У меня также все благополучно. А как дальше будет – одному Боженьку известно.

А как ты, Люся, узнала то, что когда-то я имел причастность к стихоплетству? Мне кажется, что каждый человек в детстве пробовал сочинять, это нормальное явление. Его у детей надобно поощрять.

О судьбе Вовки я пока известий на свой запрос не получил. Дружеский привет родным и Лиде с М. Д.

Будь здорова, детка.

Целую, весь твой Стива

Письмо от 18 ноября 1944 года

56

18. V 44 года

Д. Яковлевичу

Кознакомая!

Известно Вам, которые посещают
от. отца. Десюков на у нас какой-то
не прочтен. Ношу от отца Десюков
перемешко в борьбе за советскую родину
31. V 1944 года в 6⁰⁰ и своим командом
от товарища его, в один момент
каким образом дружат для победы.

Письмо Вашим старшим изводит
где ком. бат. от. отца Десюков.

Ваша работа поведена
в борьбе за Советскую Родину
Спасибо не забудем Вы узнаете.
Старшина С. С. С. С. С.

18.XI.44года (4.XII.44)

Здравствуй незнакомая!

Письма Ваши которые посылаете ст. лейт. Лесюкову он уже никогда не прочтет. Погиб ст. лейт. Лесюков героически в борьбе за Советскую Родину 31.X.44 года в 6¹⁰ и с ним вместе с 22 товарища его, я один остался. Каким образом другой раз напишу. Пишит Вам старшина взвода, где ком. был ст. лейт. Лесюков. Вечная слава погибшим в борьбе за Советскую Родину.

Смерть немецким оккупантам

Старшина

Подпись неразборчиво

Послесловие

Один из рассказов Паустовского начинается предложением: "Судьба одного наполеоновского маршала заслуживает того, чтобы рассказать её вам, сетующим на скудость человеческих чувств". Это, безусловно, можно отнести и к судьбе не наполеоновского маршала, а лейтенанта Красной Армии Лесюкова. Сила любви, богатый духовный мир, готовность служить высоким идеалам. И героическая смерть, не позволившая этому всему воплотиться в жизнь. А ведь это письма, не фантазия поэта! Именно поэтому невозможно читать это

без внутреннего озноба. Старший лейтенант Лесюков С. Д. писал Мясниковой Л. Ф. в течение почти одного года письма о любви вплоть до своей гибели в бою в Польше, Варшавского воеводства рядом с деревней Глинки. Это обстоятельство гибели героя выяснил в сети интернет Желтов Артём, аспирант политехнического института, энергетического факультета ЮУрГУ, который помогал работе с редактированием текста. В книге «память народа» он нашел страницу, на которой дважды упоминалось о гибели старшего лейтенанта Лесюкова С. Д., но с разными датами гибели 31.10.1944 года и 03.10.1944 года. Скорей всего он погиб 31 октября как и написано в поминальном письме старшины. Рядом с д. Глинки есть мемориал захоронений погибших наших воинов, где по всей видимости находится могила павшего героя. В захоронении на братском кладбище 10 540 павших неизвестных наших воинов и только 77 могил с именем.

Вечная память старшему лейтенанту Лесюкову С. Д. и его подруге Кушниренко Л. Ф.

В заключение хочется поблагодарить всех участвующих в подготовке материалов в печать. Моего брата Кушниренко И. Ю., мою однокашницу врача Калинкину Людмилу, сотрудников исторического музея Прокопенко Ю. А., Грицук М. А., а также Коваль Л. В., Ямпольского В. (Израиль).

Участники проекта

Челябинская областная универсальная научная библиотека

Народный волонтерский проект «Полевая почта – Южный Урал» (письма с фронта 1941–1945 гг.), посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

Руководитель проекта – **Соловьева Наталья Рудольфовна**, заместитель директора по творческой деятельности ЧОУНБ

Координатор проекта – **Симонова Анна Николаевна**, библиотекарь отдела маркетинга и проектных технологий

**ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА БЛАГОДАРИТ:**

за информационную поддержку проекта:

Министерство культуры Челябинской области
Общественная палата Челябинской области
Государственный исторический музей Южного Урала
Региональное отделение ООД «Бессмертный полк России» в Челябинской области
Компания ЛитРес и издательская платформа ЛитРес:Самиздат
Челябинский областной Совет ветеранов

Конгресс татар Челябинской области

Общественное движение «Наш Челябинск»

Вузы и образовательные учреждения г. Челябинска и Челябинской области

Ассоциация волонтеров Южного Урала

волонтеров за помощь в перепечатке писем:

Гвоздарева Ирина

Кагиров Ришат

Хаялиева Рамиля

Баев Денис

Несвит Анна

Покалюхина Ульяна

Дианова Алена

Бегма Виктория

Лахтачёва Дарья

Звягинцева Варвара

Мехрякова Алёна

Панфёрова Анастасия

Байрамова Альфия

Галимова Карина

Ламбрехт Милана

Мустафина Люция

Коптеева Евгения

Михеев Владимир

волонтеров за большой объем оказанной помощи:

Лукьянов Александр
Брызгалова Анастасия
Макарова Дарья
Ахтырцева Ирина
Сабиров Ирек

*отдел электронных ресурсов ЧОУНБ за работу по ска-
нированию документов:*

Пучинина Татьяна
Мезяев Анатолий
Некипелова Мария
Миногоина Татьяна
Андросенко Наталья

*сотрудников ЧОУНБ за перепечатку и расшифровку
сложночитаемых писем:*

Черных Марина
Курочкина Екатерина
Дикусар Юлия
Штыхван Вера
Расшивалова Елена
Андреева Наталья
Новикова Юлия
Дубровина Марина
Кирьянова Кристина

Байбульдина Люция
Тихонова Татьяна
Лазарев Арсений
Заворина Елена
Жарова Наталья
Стрелко Вера
Шапкина Татьяна

*Муниципальные библиотеки Челябинской области –
участников проекта «Полевая почта – Южный Урал»:*

г. Кыштым

г. Карабаш (также библиотека формирует свою электронную книгу)

г. Озерск

г. Магнитогорск

г. Верхний Уфалей

г. Златоуст

г. Миасс

г. Копейск

г. Коркино (также библиотека формирует свою электронную книгу)

г. Троицк

Сосновский р-н

Увельский р-н: Хомутининская, Кичигинская, Красносельская сельские библиотеки

Еткульский р-н: пос. Еманжелинка

Нязепетровский р-н

Карталинский р-н

Верхнеуральский р-н

Красноармейский р-н: Петровская, Бродоколмакская
сельские библиотеки, Козыревская школа

Нагайбакский р-н: Форштадская сельская библиотека

Агаповский р-н

Составители:

Н. Соловьева

В. Штыхван

Редакторская группа:

А. СИМОНОВА

О. Демешко

О. СУХОВИЛОВА

Верстка:

О. Демешко

Е. Митюшина

А. СИМОНОВА

Обложка:

Ю. Сердюкова